

Департамент образования и науки города Москвы
Государственное автономное учреждение
высшего образования города Москвы
«Московский городской педагогический университет»
(ГАОУ ВО МГПУ)
Институт гуманитарных наук

Проект “Homo dicens”

РУССКАЯ ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА: будни и праздники

Коллективная монография

Москва, 2026

УДК 811.161.1
ББК 81.411.2
Р89

*Печатается по решению
Ученого совета института гуманитарных наук ГАОУ ВО МГПУ*

Авторы:

Агова Ю.А. (Бельгия, Тюрнхаут), Хади Бак (Турция, Эрзурум / Россия, Москва), Вишневецкая З.В. (Россия, Москва), Волкова Е.Р. (Россия, Москва), Воронина Л.А. (Россия, Москва), Вусик А.Л. (Россия, Мариуполь), Егорова Н.В. (Россия, Москва), Захарова М.В. (Россия, Москва), Карасева Н.А. (Россия, Москва), Козлова А.А. (Россия, Москва), Локтевич Е.В. (Беларусь, Минск), Лебедев А.А. (Россия, Москва), Мохамед Хэйтем Матук (Монастир, Тунис / Москва, Россия)

Рецензенты:

доктор филологических наук,
профессор
Сургутского государственного педагогического университета
Татьяна Александровна Сироткина (Россия)

кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института русского языка имени В.В. Виноградова (Москва, Россия)
Надежда Константиновна Онипенко

Р89 Русская языковая картина мира: будни и праздники: коллективная монография / М.В. Захарова [и др.]; отв. ред. М.В. Захарова, Х. Бак. М.: Зерцало-М; МГПУ, 2026. – 126 с. – (Проект “Homo dicens”).

ISBN 978-5-94373-590-5

© Коллектив авторов, 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

— 5 —

ПРОСТРАНСТВО НАУЧНОЙ МЫСЛИ

Российские праздники
сквозь призму носителя корейской культуры

— 10 —

Что скрывают названия:
методические подходы
к изучению истории Москвы в школе

— 31 —

Нейросубъект и проблема авторства
в современной русской и белорусской песенной поэзии:
теоретико-методологический аспект

— 41 —

Лингвокультурологическое своеобразие
прилагательных-обозначений
важнейших периодов истории России

— 53 —

Лингвокультурологический аспект происхождения слов
лексико-семантической группы «виды деятельности»
в названиях станций московских центральных диаметров

— 63 —

Межкультурная коммуникация
в современном обществе сквозь призму этноцентризма

— 74 —

МЕТОДИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ

Глаголы движения

— 84 —

Программа курса внеурочной деятельности
«Флора в русской культуре: язык в отражении времени»

— 89 —

ЗАМЕТКИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ

• Заметки преподавателя РКИ-турка • Записки преподавателя
РКИ • Мейхтен йе руссис парле? Или языковой Горыныч в Бель-
гии • Несколько слов о моей жизни в России • Заметки препода-
вателя. Из опыта преподавания теории и практики перевода
французского языка •

— 105 —

ВВЕДЕНИЕ

Уважаемые читатели!

Перед вами четвёртая коллективная монография проекта по продвижению русского языка в мире **«Homo dicens: человек, действующий с помощью слова»**. Издание «Русская языковая картина мира: будни и праздники» подводит итоги научных, методических и практических изысканий 2025 года и демонстрирует многогранность русского языка как живого инструмента осмысления реальности – от глубинных культурных кодов до повседневных речевых практик.

Проект «Homo dicens» исходит из фундаментальной идеи: слово не просто обозначает, но и действует: формирует мышление, выстраивает коммуникацию, сохраняет традиции и открывает пути к диалогу культур. Русская языковая картина мира предстаёт в монографии как динамичная система, где будничное переплетается с праздничным, историческое – с современным, а универсальное – с национально-специфическим. Особенность данной монографии – её междисциплинарный характер. В ней органично соединяются подходы лингвистики, культурологии, педагогики, социологии и даже когнитивной науки. Это не случайность, а сознательная установка: русская языковая картина мира не может быть адекватно описана в рамках одной научной дисциплины.

Например, анализ праздничных традиций (в статье о российских и корейских праздниках) требует не только лингвистического инструментария, но и знаний в области этнографии, истории религий, социальной психологии. А исследование топонимики Москвы выводит нас на проблемы исторической памяти, урбанистики и педагогики одновременно.

Такой синтез подходов позволяет получить объёмное, многомерное представление о том, как язык формирует наше восприятие реальности – и как реальность, в свою очередь, трансформирует язык.

Структура монографии отражает эту полифонию:

«**Пространство научной мысли**» – раздел, где представлены серьёзные исследования, раскрывающие лингвокультурные, исторические и коммуникативные аспекты русского языка.

«**Методические разработки**» – новый раздел, впервые выделенный в отдельное пространство. Он соединяет теорию с практикой, предлагая инструменты для преподавания русского языка как иностранного и для углублённого изучения родной языковой картины мира.

«**Заметки преподавателя**» – традиционный раздел, в котором собраны живые наблюдения педагогов и студентов о межкультурном взаимодействии, языковой адаптации и трансформации мировоззренческих установок.

Первый раздел монографии объединяет исследования, демонстрирующие широту и глубину современной русистики. Статья «Российские праздники сквозь призму носителя корейской культуры» открывает диалог между традициями России и Кореи, выявляя универсальные и уникальные черты календарных праздников. Сопоставительный анализ помогает не только понять «чужое», но и глубже осознать «своё», а также выстроить эффективную межкультурную коммуникацию.

Исследование «Что скрывают названия: методические подходы к изучению истории Москвы в школе» показывает, как топонимика становится ключом к историческому сознанию. Географические названия – это не просто метки на карте, а носители культурной памяти, помогающие школьникам осмыслить прошлое через язык.

Работа «Нейросубъект и проблема авторства в современной русской и белорусской песенной поэзии» затрагивает актуальные вопросы цифровой эпохи: как меняется фигура автора в условиях развития нейросетей, какие новые формы субъектности возникают в песенном творчестве и как это влияет на восприятие текста.

Современные технологии радикально меняют способы языковой коммуникации. Появление нейросетевых инструментов порождает новые вопросы о природе авторства, аутентичности текста, границах человеческого и машинного. Статья о нейросубъекте в песенной поэзии затрагивает лишь вершину айсберга этих проблем.

Мы наблюдаем:

- ✓ размывание традиционных границ авторства;
- ✓ появление гибридных форм творчества, где человек и алгоритм выступают соавторами;
- ✓ трансформацию читательского/слушательского восприятия;
- ✓ новые способы распространения и популяризации текстов.

Эти процессы требуют осмысления с позиций лингвокультурологии. Как изменится русская языковая картина мира под влиянием цифровых технологий? Какие элементы сохранятся, а какие трансформируются? Ответы на эти вопросы станут предметом дальнейших исследований, но уже сейчас очевидно: язык остаётся живым организмом, способным адаптироваться к новым условиям, сохраняя при этом свою уникальность.

В эпоху глобализации и цифровизации вопросы культурной идентичности приобретают особую остроту. Русский язык выступает не просто средством коммуникации, но и мощным механизмом сохранения национальной памяти. Каждое слово, фразеологизм, топоним несёт в себе следы исторических событий, народных обычаев, мировоззренческих установок. Особенно показательны в этом отношении прилагательные, обозначающие исторические периоды («допетровский», «советский» и т.д.). Статья «Лингвокультурологическое своеобразие прилагательных-обозначений важнейших периодов истории России» анализирует, как язык кодирует историческое сознание. Выявленная актуальность «до-прилагательных» отражает линейную концепцию истории в русской лингвокультуре и позволяет проследить связь между лексикой и мировоззрением. Как отмечается в статье, их употребление отражает не только хронологию, но и ценностные оценки, эмоциональные коннотации, коллективные представления о прошлом. Язык здесь становится своеобразным «архивом памяти», где каждое слово – ключ к пониманию нацио-

нальной ментальности.

Этот аспект особенно важен для молодёжи, которая растёт в условиях мультикультурного и мультилингвального мира. Осознание богатства и глубины родного языка помогает сохранить связь с традициями, не теряя при этом открытости к другим культурам.

Работа «Лингвокультурный аспект происхождения слов лексико-семантической группы „виды деятельности“ в названиях станций Московских центральных диаметров» демонстрирует, как урбанонимы становятся зеркалом социально-экономических процессов и культурных традиций.

В исследовании «Межкультурная коммуникация в современном обществе через призму этноцентризма» рассматривается двойственная природа этноцентризма: с одной стороны, он способствует сохранению культурной идентичности, с другой – может создавать барьеры в диалоге. Анализ этого феномена помогает выработать стратегии эффективного межкультурного взаимодействия.

Второй раздел – инновационное пространство монографии – ориентирован на практическое применение научных идей.

Новый раздел монографии – «Методические разработки» – подчёркивает прикладную ценность научных исследований. Он демонстрирует, как теоретические концепции могут быть воплощены в конкретных учебных материалах.

Программа курса о растениях средней полосы – яркий пример того, как можно соединить изучение языка с познанием родной природы и культуры. Программа курса рассчитана на школьников-носителей русского языка и предлагает изучать языковую картину мира через знакомство с флорой средней полосы России. Деревья, кусты и цветы становятся не только объектами описания, но и носителями культурных смыслов, связывающими язык, природу и традиции. Через названия деревьев, кустов и цветов учащиеся:

- ✓ осваивают лексико-грамматические структуры;
- ✓ знакомятся с фольклорными и литературными образами;
- ✓ узнают о народных приметах и традициях;
- ✓ развивают экологическое сознание.

Система заданий по теме «Глаголы движения» для изучающих русский язык как иностранный помогает освоить одну из самых сложных лексико-грамматических групп, формируя навыки точной и выразительной речи, раскрывает культурные особенности восприятия движения в русской языковой картине мира. Такой подход делает обучение языку не механическим заучиванием правил, а увлекательным путешествием по миру культуры.

Третий раздел представляет собой калейдоскоп наблюдений, где педагоги и студенты делятся опытом межкультурного общения. Здесь читатель найдёт истории о том, как языковые различия порождают недопонимание и как его преодолеть; размышления о трансформации мировоззрения при изучении нового языка; примеры того, как привычные понятия обретают новые оттенки в контексте другой культуры. Эти заметки – не просто иллюстрации к теории, а живой материал для дальнейших исследований и методических разработок.

Монография «Русская языковая картина мира: будни и праздники» – это не только итог 2025 года, но и импульс для будущих изысканий. Она показывает, что русский язык – это не застывшая система правил, а динамичный инструмент познания, общения и творчества. Через праздники и будни, научные концепции и повседневные слова, методические находки и личные наблюдения мы видим, как слово действует, связывает поколения и культуры, помогает человеку осмыслить мир и себя в нём. Мы благодарим всех авторов за вклад в проект, коллег – за поддержку, а читателей – за интерес к русскому языку и культуре. Пусть эта книга станет ещё одним шагом на пути к пониманию «Homo dicens» – человека, действующего с помощью слова.

Ждём всех, кому интересны русский язык, русская культура, мышление и миропонимание носителей русского языка на официальном сайте проекта: www.homodicens.ru и в нашем Telegram-канале: <https://t.me/homodicens>.

С уважением,
Научный редактор проекта Homo dicens

ПРОСТРАНСТВО НАУЧНОЙ МЫСЛИ

Л.А. Воронина (Россия, Москва)

РОССИЙСКИЕ ПРАЗДНИКИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ НОСИТЕЛЯ КОРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Статья посвящена рассмотрению образов отечественных и корейских календарных праздников в сопоставительном аспекте, без чего представляется невозможным донесение до иноязычного партнера по общению смысла важности соответствующих реалий. Анализируются причины возникновения и сценарий солярных, религиозных, семейных и государственных красных дат производственного календаря двух контактирующих культур. Проводятся различного рода аналогии; приводятся языковые и речевые примеры. Делаются выводы о национальных предпочтениях, в том числе и в соблюдении солнечного или лунного календаря.

Ключевые слова: календарный праздник, Россия, Республика Корея.

В разных культурах люди живут в ритме своих собственных социальных циклов, поэтому, попадая в мир других этносов, они ярче всего ощущают дискомфорт, который может не способствовать положительному результату потенциального взаимовыгодного общения. Особенно это касается носителей корейской¹ культуры, общество которых, в отличие от российского, в большей степени

¹ Здесь и ниже речь идет о гражданах Республики Корея

ориентировано на традиции, верования и соответствующие им обряды жизненного цикла [Воронина 2004: 73–74]. Тоска по своему родному укладу возникает, как правило, в праздничные [нерабочие] дни, когда представители культуры-антипода на время отходят от трудовых будней и целиком погружаются в хлопотные, но счастливые моменты близкого общения с семьей и друзьями. С учетом того, что, например, в 2026 г. у россиян, согласно производственному календарю, выходных дней ожидается 118¹, то у носителя корейской культуры, оказавшегося по той или иной причине в России или имеющего совместные с нами проекты, ограниченные конкретными сроками, будет достаточно времени для размышлений о разнице того, как всё устроено в контактирующих сообществах. И первое, с чем придется ему смириться у нас, – это фиксированные календарные даты праздников: семь из шестнадцати нерабочих праздничных дней в году определяются в Республике Корея (далее РК) по лунному календарю и, соответственно, ежегодно выпадают на разные числа (см. таб. 1).

Речь идет про праздники, традиции которых тесно связаны с фазами Луны. В связи с этим у правительства РК, в отличие от нашего, нет причин делать переносы праздничных дат на совпадающие с выходными днями (субботой и воскресеньем) и граждане РК в совокупности имеют таким образом меньше нерабочих дней².

С древних времен *функцией* календарных праздников служило напоминание людям о праздничных днях, во время которых «полагалось отправлять религиозные ритуалы, а затем предаваться веселью» [Никифорова 2017: 10]. В те времена в выборе праздников наши предки-язычники больше опирались на связь с природой: жизнь крестьян была связана с циклом сельскохозяйственного года, где хороший урожай, согласно их убеждениям, обеспечивался жертвоприношениями, молитвами и обрядами. Как отмечает В.А. Фёдоров, наиболее важные праздники в *русский языческий период* были связаны

² Производственный календарь РФ 2026 г. URL: <https://www.consultant.ru/law/ref/calendar/proizvodstvennye/2026/>

³ Производственный календарь на 2026 год с праздниками в Южной Корее. URL: <https://timesles.com/ru/calendar/business/years/2026/south-korea-194/>

Таблица 1.
Сопоставительная таблица российских и корейских календарных праздников (2026 г.)

Распределение праздников в календарном году	Российские			Корейские		
	Название праздника	Календарная дата		Название праздника	Календарная дата	
		Дата праздника	Выходные дни		Дата праздника	Выходные дни
Январь	Новый год	1 января	9 дней (31 декабря 6 января + 8–9 января)	Сэжэ (새해) / Синджон (신정) «Новый год»	1 января	1 день (1 января)
	Рождество Христово	7 января	1 день (7 января)	Солдаль (설날) «Новый год»	1 января по лунно- му кален- дарю	3 дня (16–18 февраля)
Февраль	День защитника Отечества	23 февраля	3 дня (21–23 февраля)	Государствен.		
Март	Международный женский день	8 марта	3 дня (7–9 марта)	Государствен.	1 марта	1 день (1 марта)
				Самильджоль (삼일절) «День движения за независимость»		Государствен.

Ното дієсно: чоловік, дієслюючий с помістю слова

Май	Праздник Весны и Труда	1 мая	3 дня (1-3 мая)	Государствен.	Капыложажы наль (근로자의 날) «День Труда»	1 мая	1 день (1 мая)	Государствен.
	День Победы	9 мая	3 дня (9-11 мая)	Государствен.	Орннналъ (어린이날) «День детей»	5 мая	1 день (5 мая)	Государствен.
					Соккатханснннль (석가탄신일) / Пучхоним оснн наль (부처님 오신 날) «День Рождения Будды»	8 апреля по лунному календарю	1 день (24 мая)	Релнгнозн.
Іюнь	День России	12 июня	3 дня (12-14 июня)	Государствен.	Хёнхунгылль (현충일) «День памяти» ¹	6 июня	1 день (6 июня)	Государствен.
Август					Квалбокчоль (광복절) «День независимости страны»	15 августа	1 день (15 августа)	Государствен.
					Чхусок (추석) «Праздник урожая»	15 августа по лунному календарю	3 дня (24-26 сентября)	Семейн.

¹ В честь памяти военнослужащих и патриотов, сражавшихся за свою Родину

Октябрь					Кэчхонджоль (개천절) «День основания государства» ¹	3 октября	1 день (3 октя- бря)	Государствен.
					Хангылдаль (한글날) «День корей- ской пись- менности»	9 октября	1 день (9 октя- бря)	Государствен.
Ноябрь	День народного единства	4 ноября	1 день (4 ноября)	Государствен.				
Декабрь					Кхырисымасы (크리스마스) «Рождество» или Сонхханджоль / Сонххандже (성탄절 / 성탄제) «Праздник рождения Святого» / «Годовщина рождения Святого»	25 декабря	1 день (25 дека- бря)	Религиозн.
					12		16	Солнрный – 1 Религиозн. – 2 Семейный – 2 Государствен. – 7
Итого:		8	26	Солнрный – 1 Религиозн. – 1 Государствен. – 6				

² Основан на мифологии

с культом Солнца и его бога Ярилы¹: Коляда, Масленица, Красная горка, день Купалы, Русалия, день Перуна, «Зажинок», Оспожинок, Осенин и пр. [Федоров 2014]. Хотя есть и другие мнения по поводу привязки русских праздников к солнцу [Пропп 2022]. Так или иначе, с 988 г. наше русскоязычное общество стало христианским, в связи с чем упомянутые выше календарные праздники, соответствующие природным явлениям, перестали быть таковыми, а некоторые, например, Масленица, стали считаться традиционными и привязываться к православному календарю². Таким образом почти все русские календарные праздники³ превратились в православные, с фиксированной датой, а именно: 1 и 6 января, 25 марта, 6 и 15 августа, 8 сентября, 25 и 26 декабря, пяток и суббота Страстной недели, понедельник и вторник Пасхальной недели, день Вознесения Господня и второй день праздника Сошествия Св. Духа [Законь 1898: 4]. Только один из них современный россиянин получил в наследство – это праздник под названием «Рождество Христово», который, как и в прежние времена, начинает отмечаться 6 января вечером, но фактическим выходным выходит на седьмое число января. Здесь также представляется важным отметить, что исключением в этом ряду событий всегда была Пасха, доставшаяся россиянину по наследству из тех времен, когда церковь пользовалась лунным календарем: день Пасхи «вычислялся по особым правилам» [Пропп 2022: 23]. Эта традиция для отмечающих его граждан-христиан сохраняется и сегодня, хотя этот праздник не входит в перечень нерабочих праздничных дней. Это раньше важнейшие русские православные праздники были календарными, следовательно, нерабочими днями, что с 1897 г. закрепилось в законе [Законь 1898]. Такое положение дел длилось до 1918 г., когда, согласно Декрету об отделении церкви от государства и школы от церкви, церковь была отделена от государства, что изменило и календарь государственных праздников, но не изменив принципа их назначения: все праздники, как нерабочие дни, имеют

⁴ Отмечался годовой цикл Ярилы-Солнца, делившийся на отдельные периоды-циклы (времена года), соответствовавшие природным явлениям и трудовым занятиям

⁵ Отмечается в течение недели перед Великим постом.

⁶ За исключением Царских дней (коронация, вступление на престол и пр.)

фиксированную дату по солнечному (григорианскому) календарю: Рождество Христово ежегодно отмечается 7 января.

В отличие от нашей культуры, носитель корейского языка испокон веков живет под влиянием лунного календаря, что находит отражение и в меняющихся каждый год датах некоторых календарных праздников, в том числе и *религиозного происхождения*, которых у носителей корейской культуры два: 1) День Рождения Будды, *Соккатхансиниль* (석가탄신일, *иерогл.* 釋迦誕辰日) или *Пучхоним осин наль* (부처님 오신 날) «День, когда пришёл Будда» и 2) *Кхырисымасы* (크리스마스) «Рождество» или *Сонтханджоль / Сонтхандже* (성탄절 / 성탄제, *иерогл.* 聖誕節 / 聖誕際) «Праздник рождения Святого» / «Годовщина рождения Святого». Первый из них отмечается каждый год восьмого числа четвертого лунного месяца. Несмотря на то, что официальным праздником в РК он стал только в 1975 г., а верующих в РК, по данным на 2024 г., всего 14%¹, буддизм в Корее, как утверждают надежные источники, был известен еще во времена древних государств Корейского полуострова: во владение *Карак* (가락, 42 г. н. э. – 532 или 562 г.) была привезена из Индии пагода; признание со стороны государства *Когурё* (고구려) буддизм получил в 372 г.; официальное «начало» практики буддизма в *Пэкче* (백제) датируется 384 г.; официальное признание буддизма в *Силла* (신라) считается 527 г. [Болтач 2023: 56–58]. Распространение буддизма в Корее поспособствовало укреплению государственности благодаря грамотности монахов и их умению не только исцелять, но и творить чудеса. Эта религия в РК всегда рассматривалась властями в качестве магического защитника государства, а со стороны простого народа считалась источником помощи в земных бедах и открытого для всех пути духовной самореализации. Одной из духовных практик, посвященных культу Будды Шакьямуни, является празднование памятных дней. Скорее всего, именно поэтому государство путем введения соответствующего праздничного дня в перечень календарных дат предоставило возможность

¹ Evans J., Cooperman A., Starr K.J., Corichi M., Miner W., Lesage K. (2024) Religion and Spirituality in East Asian Societies. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2024/06/17/religion-and-spirituality-in-east-asian-societies/>

своим гражданам оставаться истинными последователями этой свято почитаемой и любимой на Корейском полуострове религии. Второй возможной для этого причиной, вероятно, является приверженность носителей корейской культуры к традициям, в отличие от второго религиозного календарного праздника РК.

Праздник Рождества, *Кхырисыма*сы (크리스마스, от англ. Christmas) или *Сонтханджоль* / *Сонтхандже* (성탄절 / 성탄제, иерогл. 聖誕節 / 聖誕際) «Праздник рождения Святого» / «Годовщина рождения Святого»), стал известен гражданам РК после появления американской армии на Корейском полуострове, а официальной календарной датой – только в 1945 г., поэтому никак не связан с фазами Луны. Следует отметить, что из всех стран Восточной Азии нерабочим днем *Кхырисыма*сы (크리스마스) является только в РК. Здесь, как нам представляется, обычный носитель корейской культуры найдет много общего с носителем российской культуры: в нашей стране, за исключением верующих католиков и протестантов, т. н. католическое Рождество также имеет скорее поверхностный, развлекательный, характер. Оно предшествует долгожданному и любимым россиянами новогодним праздникам, создавая соответствующее настроение, хотя в РК, наряду с указанной выше причиной, Рождество считается больше романтическим, как лишний повод для пар подарить друг другу подарки и сходить на свидание. Примечательно то, что в иероглифическом названии Рождества, *Сонтханджоль* (성탄절 / 聖誕節), носители корейского языка использовали сокращение от слова *мёнджоль* (명절, иерогл. 節), *чоль* (절, иерогл. 節), вложив в него понятие традиционности, тем самым причислив его к ряду больше семейных, чем религиозных праздников, что вполне соответствует действительности, хотя представляется важным отметить отсутствие корейских традиционных блюд, например, объединяющего, связывающего людей духовно *ттока* (떡) в этот день [Джарылгасинова 2017: 676]. Введение официальной календарной даты [25 декабря] в производственный календарь РК связано с сильным американским влиянием после раздела единой Кореи на Север и Юг. Именно поэтому в истинном смысле религиозным, как День Рождения Будды, *Соккатхансиниль* (석가탄신일) или *Кхырисыма*сы (크리스마스) в РК не является, хотя нельзя

исключать, по данным исследованиям 2024 г., 31% верующих¹ христиан-носителей корейской культуры. Для них этот день – день посещения церкви и участия в службах.

Неотъемлемой частью религиозных праздников в РК, наряду с молитвами, является совместный приём пищи: в День Рождения Будды, *Соккатхансиниль* (석가탄신일), устраиваются благотворительные обеды и угощения чаем, куда приглашаются все желающие посетители без исключения, а на Рождество, *Кхырисыма* (크리스마스), носители корейской культуры либо идут в ресторан с семьей, либо после церковных служб собираются религиозной общиной для совместной трапезы, что не принято у нас – здесь ожидания носителя корейской культуры не будут ничем подкреплены: скорее всего, он будет разочарован, т. к. праздник и не просто совместный прием пищи, а ее «массовый общественный характер» для него неразделимы [Там же: 678].

Как утверждает Р.Ш. Джарылгасинова, у древнекорейских народов массовые празднества, жертвоприношения Небу, добрым и злым духам, предкам приходились на пятый (месяц завершения посевных работ) и десятый (месяц сбора урожая) месяцы [Джарылгасинова 1979: 18–20]. В сопоставлении с русскими языческими праздниками это довольно небольшое количество даже для современных календарных дат: в 2026 г., например, граждане РК отдыхают шестнадцать дней (см. таб. 1), но наличие Праздника Урожая, именуемого *Чхусок* (추석, *иерогл.* 秋夕 «осенний вечер»), в перечне официальных календарных дат корейского производственного календаря говорит нам о том, что носители корейской культуры лучше нас ориентированы на прошлое и традиции, т. к. ни один из наших языческих праздников сейчас в России не является красным днём календаря.

Несмотря на то, что древним носителям корейской культуры был известен как солнечный, так и лунный календарь, праздники, как уже отмечалось выше, связывались преимущественно² именно с движением Луны и привязывались к датам по лунному

¹ Evans J., Cooperman A., Starr K.J., Corichi M., Miner W., Lesage K. (2024) Religion and Spirituality in East Asian Societies. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2024/06/17/religion-and-spirituality-in-east-asian-societies/>

² *Хансик* (한식) «Традиционный день поминальных обрядов» отмечался на 105-й день после зимнего солнцестояния.

календарю: *Соллаль* (설날) «Новый год» начинал лунный год (1 января); *Чонвольдэборым* (정월대보름) «Праздник январской полной Луны» проводился пятнадцатого числа первого лунного месяца; дата *Тано* (단오) – пятое число пятого лунного месяца; *Юду* (유두) «День целебного омовения» отмечался пятнадцатого числа шестого лунного месяца; *Чхильсокналь* (칠석날) «Праздник ткачихи» был зафиксирован на седьмом числе седьмого лунного месяца; *Чхусок* (추석) «Праздник урожая» приходился на пятнадцатый день восьмого лунного месяца; *Чунъянджоль* (중양절) «День сезонных поминальных обрядов» – на девятое число девятого лунного месяца; *Тонджитталь* (동짓달) «Месяц зимнего солнцестояния [по лунному календарю]», в период которого определенные традиции совершались на полнолуние одиннадцатого лунного месяца; *Сотталь кымымналь* (섣달 그믐날) «Канун Нового года» отмечался в ночь последней в году луны [Воронина 2024]. Особенно это касалось т. н. двойных цифр, т. е., например, первое число первого месяца и т. п.: считалось, что такие даты приносят благополучие. Носители корейской культуры не смогли до конца отказаться от вековых традиций. Так, *Соллаль* (설날) «Новый год» – самый крупный традиционный праздник – до сих пор отмечается в первый день первого лунного месяца, а *Чхусок* (추석) «Праздник урожая» – в пятнадцатый день восьмого лунного месяца¹.

В основе всех традиционных корейских праздников заложена тесная связь носителей корейской культуры с природой, которая зависит от фаз Луны: природа для них по-прежнему рассматривается главным фактором гармоничного существования в мире, что, прежде всего, проявляется в наличии определенного блюда на праздничном столе или просто какой-то связанной с полезностью для здоровья еды в этот день, а также с традициями земледелия, как это представлено в таблице 2.

Именно поэтому носители корейской культуры часто интересуются у нас об определенном блюде на нашем праздничном столе.

Как и русскоязычное социокультурное общество, корейский

¹ Производственный календарь на 2026 год с праздниками в Южной Корее. URL: <https://timesles.com/ru/calendar/business/years/2026/south-korea-194/>

Таблица 2.
Связь праздничного блюда с природными и климатическими особенностями Кореи

Название лунного праздника	Название праздничного блюда	Особенности природных явлений по лунному циклу	Причины определения главного праздничного блюда	Связанные с обычаями языковые проявления
Соллаль (설날) «Новый год»	Ттоккук (떡국) «суп с рисовыми клёцками» (на говяжьем бульоне или бульоне из фазана / курицы)	Сезонное ослабление организма	Ассоциация длинных нитей рисового теста, из которых нарезаются клёцки для ттоккука, с пожеланиями продолжительной жизни без болезней	떡국 몇 그릇 먹었어요? «Сколько тарелок ттоккука съели?» (= «Сколько лет?») «평대신 닻» «Использовать похуже, когда нет подходящего»
Чонвальдэборым (정월대보름) «Праздник январской полной Луны»	Пурум (부럼) «орехи с твёрдой скорлупой» (грецкие, кедровые, каштаны, арахис и пр.), которые едят утром этого дня; огокбал (오곡밥) «рис, сваренный на пару с добавлением чумизы, таюляна, сои и красных бобов»; поджаренные с предварительным распариванием сушёные дикоросы (묵은 나물); яксуль (약술) и якчу (약주) «лечебное вино»; локссам (복쌈) «счастливый голубец / счастливый сэам»	Если Луна в эту ночь белая, то летом будет дождливо, а если красная, то – засушливо; если Луна яркая, чистая, то урожай будет много, а если мутная, то неврожкой грозит голодом. Рисом от локссам подкармливали рыбу в водоёмах	Древние носители корейской культуры верили, что если в этой фазе Луны есть орехи, то можно сохранить целыми и избавить гнойных воспалений кожи; поджаренные сушёные травы и овощи возвращали потерянный за зиму аппетит; для улучшения зрения и слуха за завтраком пили «лечебное вино», а в целом здоровью способствовал огокбал	부럼 – это сокращение от 부럼스럼 «гнойник, нарыв, прыщ»; 부럼 나가라! «Гнойник, уходи» (детская кричалка для свежей скорлупы, которую закидывали на крышу, чтобы напугать злых духов). Поговорки: 개보름 쇠듯 한다 «Как собака, встречающая полную Луну» (т. е. голоден и слаб: обычай не кормить в полнолуние собак), 보름날 개 물자! «Продавец собак в полнолуние» (т. е. работать, когда все остальные отдыхают; 타리 пальби (다리 밟이) «прогулки по мосту»

Номо дисенс: человек, действующий с помощью слова

<i>Tano</i> (단오)	<i>Суридоок</i> (술의떡 / 수리떡) «рисовый паровой хлебец в форме круга»; <i>султоок</i> (숙떡) «рисовый паровой хлебец с добавлением полтыны»; <i>сижые</i> (식혜) «напиток из подгоревшего риса»; <i>суджонка</i> (수정과) «напиток из сушеных фруктов»	Начало дождей (день жертвоприношений для успешного урожая, например, мытье головы из отвара айра благовоного для отпугивания злых духов); выбор пары (=смотрины)	Форма рисового парового хлеба выполнялась наподобие колеса повозки или телеги, необходимых для выполнения с/х работ, следовательно, круглые по форме хлебцы служили символом успешного земледелия. Напитки же просто были полезны для здоровья	<i>Суричаль</i> (술의날 / 수릿날) – второе название праздника <i>Tano</i> (단오); «대추나무 시집 보내기» «выдавать за муж деревююбы / жужубы»
<i>Юду</i> (유두) «День целебного омовения»	<i>Оч</i> (오이) «огурец»; <i>чхамве</i> (참외) «корейская дыня»; <i>чхалытоок</i> (찰떡) «изделия из рисовой муки с повышенным содержанием клейковины»; <i>миллытоок</i> (밀떡); <i>куксу</i> (국수); <i>судан</i> (수단); <i>кондан</i> (건단)	Омовение в водах, текущих с Востока, как столроны Света, приносящей счастье и благополучие (=смывающий гниль); первый урожай, в связи с чем практиковались жертвоприношения от наводнений	<i>Куксу</i> (국수), <i>судан</i> (수단), <i>кондан</i> (건단) – хорошее средство от жары	<i>Мультари</i> / <i>мультманги</i> (롤마리 / 롤망기) «водополечение»
<i>Чхильсокчаль</i> (칠석날) «Праздник ткачихи»	<i>Кочху</i> (고추) «красный острый перец»; <i>каджи</i> (가지) «баклажан»; <i>намиль</i> (나물) «дикоросы»	Виден Млечный путь с самыми яркими звездами; окончание проливных дождей (=окончание основных с/х работ и начало жары	Первые ферментированные с острым перцем овощи и дикоросы, богатые витамином С	“가마귀 오(鳥)” / “까치 작(鶯)”; 오작고 (ierogl. 烏鶯橋) «Млечный путь» (=мост из сорок и ворон); Кёнубель (견우별) – самая яркая звезда на востоке Млечного пути; Чикнёбель (지녀별) – самая яркая звезда на западе Млечного пути

Номо дicens: человек, действующий с помощью слова

<i>Чусок</i> (추석) «Праздник урожая»	Фрукты и зерновые нового урожая (새로 나온 과일과 곡식); <i>сонхён</i> (송편) «паровой хлебец из рисовой муки нового урожая»	Созревание зерновых культур и плодов, в связи с чем совершалось последнее в году жертвоприношение	Изделия из муки нового урожая более полезны для здоровья. Кроме того, в процессе создания <i>сонхён</i> (송편) вся семья собиралась вместе и общалась между собой	<i>Сольток</i> (솔떡) «рисовые паровые хлебцы с добавлением сосновых иголок»; “송편을 예쁘게 빚어야 예쁜 아기를 낳는다.” «Если слепишь ребенка красиво, то и ребенок родится красивым»; “일 년 열두달 3백65일 더도 덜도 말고 한가위만 날아라.” «Пусть веси, Ваш год будет таким, как на Чхусок» (т. е. пожелание такого же обилия еды, как на Праздник Урожая)
<i>Чуньяндожоль</i> (충양절) «День сезонных поминальных обрядов»	<i>Кукваджу</i> (국화주) «вино из хризантем»; <i>кухваджон</i> (국화전) «рисовые паровые хлебцы, украшенные хризантемами»; <i>хвачхэ</i> (화차) «напиток с фруктами»; <i>хваджон</i> (화전) «цветочные рисовые паровые хлебцы»	Созревание хризантем. Период «переодевания деревьев», любовные отношения «лечит душу». Прилетают на зимовку дикие гуси и улетают на Юг ласточки, пропадают комары, змеи и лягушки	Лепестки хризантем содержат много минеральных веществ, полезных для здоровья, поэтому их добавляли как в рисовые паровые хлебцы, так и в алкоголь	<i>Кукхва суль</i> (국화 술) «алкоголь из хризантем»; <i>кухваый таль</i> (국화의 탈) «Хризантемная луна»
<i>Тонджимталь</i> (동짓달) «Месяц зимнего солнцестояния [по лунному календарю]»	<i>Пхатчуж</i> (팥죽) «каша из красных бобов»	Опасный для здоровья период, когда человек максимально подвержен инфекционным заболеваниям вследствие ослабленного иммунитета	Красный цвет фасоли отпугивает нечистую силу	Ахсе «короткий день»; “팥죽은 귀신을 몰아내는 것” «Каша из красных бобов отпугивает нечистую силу»; потоворка: “동지 지 날지 몰아면 해가 노후 꼬 리처럼 길어진다.” «Десять дней после дня зимнего солнцестояния Солнце становится длинным, как хвостик косули»

социум постепенно стал урбанистическим, в связи с чем отпала необходимость в поддержании ряда обычаев и, следовательно, соответствующих им праздников, например, *Чонвольдэборым* (정월대보름) «Праздник январской полной Луны»: с древних времен носители корейской культуры считали, что ночь с полной Луной наделена мистическими силами, особенно в первом в году полнолунии, поэтому именно в эту ночь носители корейской культуры, взобравшись куда-нибудь повыше, рассматривали цвет Луны (см. таб. 2.), в том числе загадывали желание, смотря на Луну и свято веря в его обязательное исполнение. Также ушли из традиций праздники *Тано* (단오), *Юду* (유두) «День целебного омовения», *Чхильсокналь* (칠석날) «Праздник ткачихи» и др., тесно связанные с народными верованиями и приметами, но остались привычки, например, тяга к купанию переросла у современных граждан РК в массовый период летних отпусков с чётко фиксированными датами. Этот период считается в РК «мёртвым сезоном», т. к. все отправляются в отпуск, как правило, на побережье. Также в даты ушедших из производственного календаря праздников проявляется склонность носителей корейской культуры и к определенным блюдам (подробнее см. таб. 2.), что сопоставимо и в отечественной культуре: блины на Масленицу, кулич и крашение яиц на Пасху и пр. Поэтому здесь представляется не таким сложным объяснить носителям корейского языка русские обычаи.

Еще одним показателем неразрывной связи носителя корейской культуры с природой является *анимизм*, согласно которому признаются «духи природы и души умерших людей» [Лещик 2019: 581]. Обе эти категории присутствуют в сценариях религиозных и семейных праздников РК, разделяясь дополнительно на злых и добрых. Для отпугивания злых духов на праздниках выполнялись определенные обряды: на *Соллаль* (설날) со времён государства Корё (X–XIV вв.) жилище украшали новогодними картинками *сэхва* (새화), около ворот дома протягивали веревку из рисовой соломы, прятали на ночь обувь и рано ложились спать, до недавнего времени исполнялся «танец в масках Чхоёнму («танец Чхоёна»)» [Корейцы 1985: 85]; в *Чонвольдэборым* (정월대보름) на крышу закидывали скорлупу от съеденных с утра

орехов, вечером переходили мост для предотвращения несчастий в новом году, а накануне в доме сжигали весь мусор, чтобы уберечься от пожара; на *Тано* (단오), мыли голову из отвара айра благовонного; на *Тонджиталь* (동짓달), ели кашу из красной фасоли; в *Сотталь кымынналъ* (섣달 그믐날), начисто убирали дом и зажигали хлопушки из бамбука, начиненные порохом, или бумажные фонарики, жгли упавшие с головы волосы, били по железу или стреляли из ружья [Там же: 91]. Как и у нас, в Корее духи были не только злые, но и добрые [Пашалыоглу 2023: 224], поэтому на праздниках не забывали и про них, например, в *Сотталь кымынналъ* (섣달 그믐날) чествовали кухонного духа, ярко зажигая по всему дому огонь, чтобы он нашел путь обратно, когда уходил 25 декабря по лунному календарю к главному Божеству рассказать про семейные дела.

Интересным представляется тот факт, что шесть из шестнадцати нерабочих праздничных дней в РК, определяющихся по лунному календарю, имеют свое собственное слово для обозначения, а именно: *мёнджоль* (명절). Это т. н. традиционные, семейные, праздники, сценарий которых сохраняется на протяжении многих веков (см. таб. 1). Для всех остальных праздников в РК существует слово *кинёмиль* (기념일). Их даты связаны с какими-то историческими событиями: праздник 1 марта (День движения за независимость / 삼일절) еще известен как «Первомартовское движение»; 1 мая (День труда / 근로자의 날); 5 мая (День детей / 어린이날); 6 июня (День памяти / 현충일); 15 августа (День независимости страны / 광복절), 3 октября (День основания государства / 개천절); 9 октября (День корейской письменности / 한글날). Эти праздники выполняют еще одну *функцию*, кроме праздников как таковых, – *сплочение этноса*. Это есть и в России. В настоящее время к ним относятся следующие: 23 февраля (День защитника отечества); 8 марта (Международный женский день); 1 мая (День Весны и труда); 9 мая (День победы); 12 июня (День России); 4 ноября (День Народного Единства) [Чекулаева 2006]. И здесь можно наблюдать аналогию: в обеих странах отдают честь защитникам отечества (23 февраля и 6 июня); отмечают День труда, причем одинаково, 1 мая; празднуют День независимости (12 июня и 15 августа); уделяют внимание государству

как таковому (4 ноября и 3 октября). По разнице других государственных праздников можно судить о ценностных приоритетах, например, вместо внимания к женщинам граждане РК отдают предпочтение детям, что правдиво отражает истинное отношение к женщинам в этом социуме, построенном на основах конфуцианства; особую дань отдают Дню корейской письменности и памяти жертвам Первомартовского движения, делая акцент на сугубо национальных событиях.

Русскоязычные специалисты по корейскому языку, к сожалению, редко отмечают для себя эту тонкую разницу, называя наши праздники по-корейски, как правило, *мёнджоль* (명절), чем вводят носителя корейского языка в заблуждение, т. к. он начинает представлять себе сугубо семейный круг с обязательными: 1) облачениями в национальный костюм (한복), 2) упрощенный обряд жертвоприношения (차례), 3) специальными для каждого праздника блюдами, 4) традиционными играми (농악 놀이) и т. д., что у носителей русской культуры, по нашему мнению, отсутствует как явление, имея слабое сходство с новогодними праздниками, о чём можно судить по фактам, представленным в таблице 3.

Таблица 3.

Сопоставительная таблица основных праздничных явлений для корейских традиционных праздников и российского Нового года

Параметры для сопоставления ⇓	Название праздника ⇔	Соллаль (설날)	Чхусок (추석)	Новый год
Календарные даты ¹		16–18 февраля	24–26 сентября	31 декабря – 9 января
Круг лиц		Члены семьи	Члены семьи	Члены семьи и друзья
Место празднования		Дом самого старшего в семье мужчины (댁)	Дом самого старшего в семье мужчины (댁)	Квартира или место общественного питания (кафе, ресторан)

¹ С примером 2026 г.

Homo dicens: человек, действующий с помощью слова

Одежда	Традиционный национальный костюм, <i>ханбок</i> (한복); <i>сольбим</i> (설빔) «вновь сшитая для празднования одежда»	Традиционный национальный костюм, <i>ханбок</i> (한복)	Праздничная (нарядная), как правило, новая
Обязательное блюдо	<i>Ттоккук</i> (떡국)	<i>Сонпён</i> (송편)	Оливье, селедка под шубой [Гурьянов 2019: 62] и пр.
Приготовление еды	Заранее готовится женщинами семьи	Заранее готовится женщинами семьи	Заранее готовится или заказывается в кафе / ресторанах
Ритуалы	Упрощенный обряд жертвоприношения (차례); <i>себэ</i> (세배)	Посещение захоронений предков (성묘); упрощенный обряд жертвоприношения (차례)	Телевизионное поздравление государственного лидера страны; шампанское под бой курантов с загадыванием желания; украшение ёлкой
Развлечения	Традиционные корейские игры (농악 놀이); разглядывания луны (달맞이)	Традиционные корейские игры (농악 놀이) и спортивные состязания; разглядывание луны (달맞이)	Застольные песни, в том числе караоке, танцы, разговоры за столом, запуск фейерверков, ночные катания с горок и пр.
Подарки	Деньги, которые вручаются детям за корректное совершение <i>себэ</i> (세배)	Продуктовые корзины (택)	Самые разнообразные вещи, которые, как правило, прячутся под елкой

Дополнительную путаницу в интерпретацию носителем корейской культуры русских праздников вносит и наличие в РК двух «Новых годов» [в нашем понимании], один из которых был уже упомянут выше, *Соллаль* (설날); он отмечается 1 января по лунному календарю и является традиционным праздником *мёнджоль* (명절) (см. таб. 2), а второй, *Сэхэ* (새해), – 1 января по солнечному, но отнести его к понятию *кинёмиль* (기념일) нельзя, т. к. он не посвящен памятной дате. Разница между ними заключается в том, что особенностью последнего считается встреча первого восходящего солнца *хэдогчи* (해돋이):

в ночь с 31 декабря на 1 января перед самым рассветом миллионы граждан РК отправляются, как правило, на побережье, где ждут первого в новом календарном году появления солнца, свято веря в то, что оно принесет им здоровье, счастье и успех. Таким образом, Сэхэ (새해) является единственным корейским праздником, когда внимание носителей корейской культуры обращено на солнце, в связи с чем можно с уверенностью утверждать о наличии как в российской, так и в корейской культурах *солярного праздника*, календарная дата которого в обеих странах совпадает и является фиксированной.

В датах корейских календарных праздников, на наш взгляд, отражается благосклонность носителей корейской культуры к Луне, например,

Пословица	Интерпретация
달이 차면 기운이 가득하다.	Когда луна полна, сила на пике.

и осторожность к Солнцу, связанная, скорее всего, с географическим расположением Корейского полуострова, а именно: во-первых, его близость, по сравнению с русскими широтами, к экватору, заставляет носителей корейской культуры довольно осторожно обращаться с Солнцем: они его недолюбливают, что широко представлено во фразеологическом фонде корейского языка [Лим Су 2003: 216], например,

Пословица	Интерпретация
오뉴월 별은 술개만 지나도 낫다.	На солнцепеке в мае-июне коршун пролетит – и то облегчение.
오뉴월 더위는 암소 뿔이 물러 빠진다.	В майскую-июньскую жару у коровы рога выпадают от зноя.

Так, до сих пор белая кожа в корейском социуме ценится выше загара, причем, как у женщин, так и у мужчин.

Второй причиной, как нам представляется, является временной промежуток корейских суток: и зимой, и летом темное время суток на Корейском полуострове наступает довольно рано, в пять-шесть часов вечера уже темно¹, поэтому традиционно

¹ Время восхода и захода солнца в Южной Кореи. URL: <https://www.worlddata.info/asia/south-korea/sunset.php#:~:text=The%20farther%20a%20country%20is,far%20away%20from%20the%20equator.>

рабочее время для земледельцев заканчивалось к этому времени, а проводить ночное время было приятнее под естественное освещение полной луны. Кстати, временные промежутки части суток в корейском языке сильно отличаются от того, что мы вкладываем в них по-русски [Воронина 2021].

В заключении следует резюмировать, что процессы формирования и становления календарных праздников в России и Корее были примерно одинаковы: от выходных дней для жертвоприношений в языческие времена через дань памяти религиозным пристрастиям граждан до фиксации исторических событий на современном этапе развития общества: и в отечественном производственном календаре, и в РК существуют как религиозные, так и государственные праздничные даты. Главным отличием корейских праздников от отечественных является наличие т. н. семейных праздников, что, с одной стороны, репрезентирует стойкую приверженность носителей корейской культуры традициям, проявляющуюся и в сохранении древних обычаев, в том числе и в праздновании главных календарных дат по лунному календарю, ежегодно корректирующего производственный календарь в РК, а с другой, – поддерживает национальные ценности, например, тесную связь с природой – всё это насыщает современный корейский язык определенными реалиями, без знания которых представляется невозможным ни понимание культуры его носителей, ни возможность интерпретации отечественных традиций и обычаев, т. к. для донесения смысла необходима опора на то, что уже известно. Средневзвешенный носитель корейской культуры по региональным причинам издревле предпочитает жизнь с «оглядкой на Луну», выясняя в отношении праздников у носителя контактирующей культуры наличие традиционных блюд или специальных обычаев.

Литература

Болтач Ю.В. Культы и практики раннего корейского буддизма в сюжетах «Самгук юса». СПб.: ИД «Гиперион», 2023. 464 с.

Воронина Л.А., Ефимова А.И. Легенды о происхождении корейских праздников: практикум. М.: МГПУ, 2024. 116 с.

Воронина Л.А., Летун С.А. Экстралингвистическая

информация и её объяснительный потенциал в обучении корейскому языку // Общество. Коммуникация. Образование. 2021. Т. 12, № 1. С. 92–103.

Воронина Л.А. О взаимодействии русской и корейской культурных традиций как основе обучения корейскому языку // Лингводидактические проблемы обучения иностранным языкам: Межвузовский сборник. Том Выпуск 2. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. С. 73–81.

Гурьянов К.В., Шатило Я.С. Новый год и ёлка: становление современных традиций // Базис. 2019. № 2(6). С. 49–63.

Джарылгасинова Р.Ш., Загоруйко А.В., Осетрова М.Е. Корейская кухня-прошлое и настоящее // Праздничная и обрядовая пища народов мира. М.: Федеральное государственное унитарное предприятие «Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр «Наука», 2017. С. 667–680.

Джарылгасинова Р.Ш. Этногенез и этническая история корейцев по данным эпиграфики. М.: Наука, 1979. 182 с.

Законъ 2-го Юня 1897 г. о нормировкѣ рабочаго времени съ приложеніемъ утвержденныхъ г. министромъ финансовъ правилъ о продолжительности и распредѣленіи рабочаго времени и инструкции чинамъ фабричной инспекціи. С.-Петербургъ: Типографія М. Меркушева, 1898. 43 с.

Корейцы // Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый год. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985. С. 79–116.

Лешик Э.С. Анимизм как основа корейских верований в период трёх государств // 76-я научная конференция студентов и аспирантов Белорусского государственного университета: материалы конф. В 3 ч. Ч. 3, Минск, 13–24 мая 2019 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: В. Г. Сафонов (пред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2019. С. 580–583.

Лим Су Золотые слова корейского народа. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2003. 360 с.

Никифорова Е.М. Генезис календарных праздников в России. Традиции и новации // Академия профессионального

образования. 2017. № 5. С. 10–19.

Папалыюглу Дж., Кына И. Суеверия в русской и турецкой культурах // Связующая нить: русский язык в XXI веке в общении культур: Коллективная монография / Отв. ред. М.В. Захарова, Х. Бак. М.: МГПУ; изд-во «Перо», 2023. С. 215–228.

Пропт В. Русские аграрные праздники. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. 256 с.

Федоров В.А. Культ природы в русском языческом празднике // Зыряновские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции «XII Зыряновские чтения», Курган, 11–12 декабря 2014 года. Курган: Курганский государственный университет, 2014. С. 162–164.

Чекулаева Е.О. Сто великих праздников. М.: Вече, 2006. 431 с.

А.А. Козлова (Россия, Москва)

ЧТО СКРЫВАЮТ НАЗВАНИЯ: МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ МОСКВЫ В ШКОЛЕ

В статье рассматривается значимость включения топонимического материала в образовательный процесс при изучении истории Москвы в 5–7 классах. Автор обосновывает, что географические названия выступают не просто как маркеры пространства, но и как компактные «хранилища» информации, позволяющие школьникам глубже осмыслить прошлое города. На примерах московских топонимов демонстрируется, как через анализ их происхождения, семантики и эволюции можно раскрывать ключевые исторические процессы. Особое внимание уделяется педагогическому потенциалу топонимики: её способности активизировать познавательный интерес, развивать навыки работы с историческими источниками, в том числе картами, формировать пространственно-временные представления.

Ключевые слова: топонимика, история Москвы, москвоведение, школьное образование, методика преподавания.

В научном осмыслении москвоведение следует рассматривать не как обособленный учебный предмет, а как самостоятельную область знания. Более того, оно представляет собой значимую компетенцию для жителей города, позволяющую выстраивать продуктивное взаимодействие с городской средой – превращать мегаполис из нейтрального пространства в активного «союзника» и ресурс для личностного и социального развития. Поскольку речь идёт именно об области знания, её интеграцию в образовательный процесс можно осуществлять многовекторно [Москвоведение 2024: 21]. Москвоведение не ограничивается рамками отдельного учебного курса или раздела в рамках истории России. Его содержательный потенциал органично встраивается

в широкий спектр дисциплин, прежде всего – в цикл социально-гуманитарных наук.

В рамках модернизации школьного исторического образования в Российской Федерации с 2025/2026 учебного года предусматривается внедрение учебного модуля «История нашего края» для обучающихся 5–7-х классов. Данный модуль интегрируется в структуру предмета «История» в качестве содержательного компонента, восстанавливая тем самым практику изучения региональной истории в основном общем образовании – однако не в формате отдельной учебной дисциплины, а в рамках существующей предметной области.

На текущем этапе профессиональное педагогическое сообщество выражает обоснованную озабоченность в связи с недостаточной синхронизацией содержания модуля «История нашего края» с основной линией курса истории. В частности, наблюдается рассогласование хронологических рамок: например, в 7-м классе учащиеся при освоении регионального компонента будут обращаться к событиям XX века, тогда как систематический курс истории ориентирован на изучение периода раннего Нового времени. Указанная несогласованность обуславливает необходимость разработки особых методических подходов к преподаванию нового модуля, а именно, ориентацию на историко-культурологический подход, особое внимание к истории повседневности.

В связи с этим особое место в новом учебном пособии «История нашего края. Москва» заняло изучение топонимов, с помощью которых мы погружаем учеников в прошлое города, в жизнь горожан [Козлова, Савиных, Сорокин 2025: 97]. Для этого предусмотрены не только специальные рубрики («Что скрывают названия», «Это интересно», «Удивительно, но факт»), но и вопросы, задания, материалы для организации проектной деятельности.

Топонимы – настоящий клад информации о прошлом, носители культурных кодов и смыслов. Обратимся к конкретным примерам. Улица Сретенка получила своё наименование в связи с историческими событиями 1395 года, когда над русскими землями нависла угроза нашествия войск Тамерлана. В августе указанного

года москвичи собрались на этой дороге для встречи чудотворной Владимирской иконы Божией Матери, доставлявшейся из Владимира в столицу. Этимологически название улицы восходит к церковнославянскому слову «сретение», означающему «встреча». Впоследствии на месте исторической встречи был основан монастырь, получивший наименование Сретенского. Сейчас икона хранится в храме при Третьяковской галерее. Таким образом, перед нашими глазами предстают не только исторические события, но и система духовных ценностей.

Московская топонимика выступает своеобразным историко-мемориальным кодом, фиксирующим ключевые эпизоды революционных событий 1905 года и сохраняющим память о них в городской среде. Так, улица 1905 года содержит прямую хронологическую отсылку к году революционных событий. Название улицы Баррикадной содержит память о возведённых в ходе декабрьского восстания баррикадах. Большая Декабрьская улица также отсылает к декабрьским событиям 1905 года. Особую значимость имеет топоним «улица Красная Пресня», указывающий на формирование здесь Совета – органа управления восстанием.

В городской топонимике и храмовом зодчестве нередко встречаются наименования, чья этимология вызывает научные дискуссии. На первый взгляд, происхождение того или иного названия может казаться очевидным, однако детальный анализ зачастую выявляет более сложную историко-лингвистическую картину. В качестве примера можно рассмотреть церковь Всех Святых на Кулишках. Распространённая версия связывает её возведение с памятью о воинах, погибших в Куликовской битве. Однако ряд исследователей-краеведов подвергает эту гипотезу сомнению. Согласно альтернативной точке зрения, топоним «Кулишки» отражает географические особенности местности: в древности здесь располагались заливные луга, из-за которых место часто заболачивалось. В отличие от неоднозначной этимологии церкви Всех Святых, мемориальный характер другого московского храма – церкви Рождества Богородицы на Сенях – не вызывает сомнений. Данный памятник архитектуры был возведён по инициативе княгини Евдокии как памятник Куликовской битве.

В настоящее время церковь Рождества Богородицы на Сенях представляет собой древнейший сохранившийся архитектурный объект Московского Кремля, что придаёт ей особую историко-культурную ценность. Расследование подобных тайн и загадок позволит значительно обогатить учебное занятие.

Младшим подросткам, которые только начинают изучение истории, может быть трудно представить, как развивался город, осознать особенности его становления. Здесь на помощь приходит система топонимов. В топонимической системе Москвы прослеживается устойчивая группа наименований, связанных с историей почтового и транспортного сообщения. К ним относятся, в частности, четыре улицы Тверских-Ямских, улица Ямского поля и Николоямская улица. Распространённое бытовое толкование, связывающее эти названия с неровностями дорожного покрытия («ямками»), не соответствует исторической действительности. Этимологически компонент «ям» восходит к термину, обозначавшему почтовую станцию. В период правления Бориса Годунова на окраинах Москвы были расселены ямщики, на которых возлагались обязанности по перевозке почты, грузов и царских гонцов. В результате сформировалось пять ямских слобод. Наиболее значительная из них возникла у Тверских ворот Земляного города – на трассе важнейшего пути, связывавшего Москву с Тверью и Новгородом [Смолицкая, Горбаневский 1982: 116].

Топонимика московского пригорода также отражает систему застав и укреплений. Камер-Коллежский вал, выполнявший таможенно-контрольные функции, насчитывал 18 застав. Данный факт объясняет широкое распространение в городской топонимии лексемы «застава» (Крестьянская, Серпуховская, Владимирская заставы). Аналогичным образом компонент «вал» закрепился в названиях ряда улиц и районов (Преображенский вал, Измайловский вал, Лефортовский вал), маркируя прежние линии городских укреплений. Как мы видим, московская топонимика выступает важным источником по истории городского транспорта, почтовой службы и фортификационных сооружений, фиксируя ключевые элементы инфраструктуры прошлых эпох.

Изучение топонимов может быть организовано на любом этапе урока. Попытка решить загадки, которые преподносят нам московские названия, станет отличным мотивационным элементом учебного занятия. Учитель предлагает подумать, с чем могло быть связано появление «вкусных» названий: Хлебный, Кисельный, Медовый, Калашный переулки, Поварская улица. Улица Кузнецкий Мост сама по себе является своего рода кейсом: в названии упоминание моста присутствует, а самой конструкции на улице нет. И уже на самом уроке ученики раскрывают тайну пропавшего моста. Потешная улица позволит подвести к теме о преобразованиях Петра I. И уже дальше мы можем проследить историю по другим названиям: Семеновская, Преображенская улицы, Барабанный переулок, целый район носит имя советника Петра I Франца Лефорта – на гербе Лефортovo видим солдата из его полка. Улица Девятая Рота также имеет отношение к потешному Преображенскому полку, как и улица Бухвостова (Сергей Бухвостов – конюх Петра I, который стал первым «солдатом» будущего императора).

Этап освоения знаний также не обходится без исследования топонимов. Топонимия Москвы служит ценным источником сведений о природно-хозяйственном облике города в предшествующие исторические периоды. Так, наименования «Полянка» и «Лужники» прямо указывают на существовавшие за пределами Кремля открытые пространства – поля и луговые угодья. Особого внимания заслуживает этимология топонима «Остоженка». Исторически район отличался наличием заливных лугов, подвергавшихся периодическому затоплению в период половодья. Благоприятные гидрологические условия способствовали формированию густой и сочной травяной растительности, которая заготавливалась в качестве корма для скота. Процесс заготовки включал скашивание травы, её просушивание и укладку в стога (остожья). Соседство с Остоженкой двух слобод – Конюшенной и Стадной – дополняет картину специализации территории.

Значительный пласт московской топонимии отражает традиции городского садоводства. Многочисленные топонимы – Садовые улицы, Садовая слобода, Садовническая набережная,

Садовнический и Старосадский переулки, Садовнический мост – свидетельствуют о масштабности садово-огородной деятельности в городской черте. Примечательным примером семантической эволюции является топоним «Берсеновская набережная». Этимологический анализ выявляет связь с древнерусским наименованием крыжовника – «берсень».

Московские слободы и занятия жителей Москвы прекрасно отражены в топонимике. Часто названия напрямую указывают на ремесла, которые здесь были распространены. Но иногда исследование названий позволяют проследить интересные истории из прошлого города. Топоним «Хамовники» представляет собой ценный лингвистический и историко-культурный артефакт, отражающий специфику ремесленного производства средневековой Москвы. Несмотря на кажущуюся связь с современным разговорным значением слова «хам», этимология названия восходит к термину, обозначавшему в древнерусском языке льняную ткань высокого качества. Исторически район Хамовников сформировался как дворцовая слобода, заселённая квалифицированными ткачами – «хамовниками», переселёнными из Твери [Горбаневский 1997: 221]. Материальным свидетельством этой ремесленной традиции выступает сохранившееся здание Хамовного двора – производственного комплекса, где осуществлялось ткацкое производство.

В литературе нередко встречается упрощённое толкование происхождения названий ряда московских улиц и переулков (Покровка, Сретенка, Рождественский и Успенский переулки) как непосредственной отсылки к соответствующим церковным праздникам. Но названия городские объекты получили благодаря храмам, возведённым в честь соответствующих событий церковного календаря. Улица Покровка получила наименование от храма Покрова Пресвятой Богородицы, Рождественский переулок назван по Рождественскому монастырю, Успенский переулок обязан своим наименованием церкви Успения Божией Матери. На учебном занятии работа с данными названиями позволяет изучить как храмовые комплексы, так и традиции праздников.

Работа с названиями позволяет учителю обеспечить межпредметные связи, актуализировать ранее полученные знания. В «Сказке о царе Салтане» А.С. Пушкина встречается фрагмент: «Ой вы, гости-господа, долго ль ездили? куда?». Использование слова «гости» в данном контексте демонстрирует архаическое значение лексемы, существенно отличающееся от её современного употребления. В древнерусском и старорусском языках слово «гость» обозначало купца, осуществлявшего внешнюю торговлю, преимущественно морским путём. Особую категорию составляли «гости-сурожане» – наиболее состоятельные и авторитетные купцы, осуществлявшие торговлю через порт Сурож (Судак) в Крыму. В московской деловой традиции термин «гости» закрепился как официальный статус привилегированных торговцев, обладавших особыми правами и обязанностями. Позднее семантика слова расширилась: его начали применять и к иностранным купцам, посещавшим русские земли. Здание Гостиного двора в центре Москвы выступает материальным воплощением истории слова. Название этого сооружения отражает его первоначальное предназначение как места пребывания и торговли «гостей» – купцов, осуществлявших межрегиональные и международные коммерческие операции. Так, с помощью хорошо знакомого школьникам произведения и городского названия удастся раскрыть значение сложного исторического термина.

Топонимы применяются и для организации самостоятельной работы учащихся, используются для контроля знаний. Обратимся к некоторым примерам.

«В тексте параграфа упомянуты названия нескольких княжеских сел вокруг Москвы. Какие из этих названий вам кажутся знакомыми? Найдите на карте Москвы, где располагались эти села». Данное задание обращает внимание учащихся на названия многих районов и станций метрополитена Москвы, например, Коньково, Бирюлёво, Крылатское и т.п. После того, как на уроке ученики узнали о старинных подмосковных сёлах, которые позднее вошли в черту города, учитель побуждает школьников обратить внимание на свой район, то место, где они живут.

«Изучите карту Москвы. Обратите внимание на район

между улицами Большая Никитская и Поварская. Опираясь на названия улиц и переулков, расскажите, как жители этого района участвовали в хозяйственной жизни города». С помощью подобных заданий у учащихся формируется привычка задумываться о происхождении топонимов, которые они видят на домах в городе, понимать особенности того или иного района. Таким же целям служит задание: «На карте Москвы мы можем увидеть следующие названия: Крымский мост, Старопанский переулок, Татарский переулок, Большая Грузинская улица. О каких иностранных слободах говорят нам эти названия? Кто жил в этих районах Москвы?».

Большое внимание при изучении истории Москвы уделено не только топонимам, но и другим названиям, благодаря которым формируется общекультурная компетенция учащихся, обогащается их словарный запас; при этом акцент на исторических событиях не размывается, а, напротив, получает дополнительный методический инструментарий. В период правления Дмитрия Донского (вторая половина XIV века) в Москве было налажено собственное монетное производство, что стало важным этапом в формировании финансово-экономической системы Московского княжества. Введённая в обращение монета получила наименование «денга», этимологически восходящее к татарскому слову «данга» («монета»). Именно от этого термина позднее произошло общеупотребительное слово «деньги». Специфика монеты раскрывается через выражение «хранить в кубышке»: монетки-чешуйки было удобно хранить в кувшине с узким горлышком и закапывать на случай пожара.

В архитектурной отделке зданий последней четверти XIX века широкое распространение получил специфический тип керамической облицовочной плитки, получивший в профессиональной среде и народном обиходе наименование «кабанчик». Название обусловлено характерной конструктивной особенностью изделия: на боковой грани каждой плитки располагались два технологических отверстия, визуально напоминающие свиной пятачок. Данная деталь являлась не декоративным, а сугубо функциональным элементом – она служила для упрощения процесса формовки и обжига

керамического изделия. Подобное забавное название позволит украсить повествование и обратить внимание на особенности зданий в определенный исторический период.

В контексте изучения формирования московской ресторанной культуры второй половины XIX века особый интерес представляет история создания салата, получившего наименование «оливье». Его авторство приписывается французскому повару Люсьену Оливье, который в тот период руководил кухней ресторана «Эрмитаж», располагавшегося на Неглинной улице. Необычная и в определенной мере парадоксальная история позволит пробудить интерес к повседневной культуре.

На современном этапе развития гуманитарной мысли формируется новая дискуссионная парадигма, согласно которой статус исторической достопримечательности может быть присвоен любому объекту городской среды при условии, что он содержит достоверную информацию о быте, труде и социальных отношениях прошлых эпох, выступает носителем культурно-символических смыслов, отражающих мировоззрение и ценности определённых сообществ, а также позволяет реконструировать повседневные практики и ментальные установки предшествующих поколений [Московедение 2025: 251]. Такой подход радикально расширяет поле исторического исследования, переводя фокус внимания с «канонических» памятников на рядовую застройку, элементы городской инфраструктуры и бытовые артефакты. Это открывает возможности для более глубокой интерпретации локальных историй, выявления скрытых пластов городской памяти и формирования многоголосого нарратива, включающего опыт различных социальных групп.

Таким образом, концепт «постижение макроистории через микроисторию» предлагает методологически обоснованный путь к пониманию глобальных исторических процессов через призму локальных, «малых» историй, что особенно актуально для изучения мегаполисов с многослойной культурной средой.

Литература

Горбаневский М.В. Тайны московских улиц. М.: Московский учебник, 1997. 320 с.

Имена московских улиц. Топонимический словарь. М.: ОГИ, 2007. 608 с.

Козлова А.А., Савиных Г.П., Сорокин А.А. Формирование исторической грамотности школьников // Педагогическое образование и наука. 2025. № 2. С. 94-99.

Москвоведение 3.0: региональный компонент в образовательном пространстве столицы: Коллективная монография. М.: МГПУ; ИКД «Зерцало-М», 2024. 404 с.

Москвоведение. 10-11 классы: учебно-методическое пособие для учителя / [А.А. Сорокин, А.В. Половникова, А.А. Козлова и др.]; рец. Е.Е. Вяземский, Е.Н. Мох. М.: Парадигма, 2025. 260 с.

Смолицкая Г.П., Горбаневский М.В. Топонимия Москвы. М.: Наука, 1982. 176 с.

Е.В. Локтевич (Беларусь, Минск)

**НЕЙРОСУБЪЕКТ И ПРОБЛЕМА АВТОРСТВА
В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ
ПЕСЕННОЙ ПОЭЗИИ:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

В статье раскрывается специфика коммуникативной интерференции биографического автора, собственно автора, медийного автора и нейросубъекта в фокусе развития современной песенной поэзии. Выявляются пути актуализации интенциональных маркеров нейросубъекта в субъектной организации песни, влияющих на эмоциональный тон произведения, его образную сферу и формирование героичных ипостасей. Рассматриваются научные подходы к решению вопроса о художественной идентификации нейросубъекта. Определяются основные теоретико-методологические проблемы, возникающие при изучении фигуры Автора, а также основные факторы, препятствующие их решению.

Ключевые слова: песенная поэзия, субъектная организация, автор, нейросубъект, точка зрения.

Феноменология нейросубъектности в современной песенной поэзии выступает, по нашему мнению, одним из важнейших направлений теоретической поэтики, которая все чаще вынуждена обращаться к методологическим моделям анализа, предложенным социально-гуманитарными и точными науками. Трансформация субъектно-объектных отношений, а потому и ценностных ориентаций прямо-оценочной и косвенно-оценочной точек зрения, в вербальных субтекстах песни нередко происходит через посредство невербальных маркеров в интернет-пространстве, в онлайн-форматах. В этой связи востребованными оказываются такие научные категории, как *гейм-стратегирование, гейм-лицо, игровой персонаж, игровая*

внесубъектность, субъектное аннулирование [Локтевич 2024: 41–44], в осмыслении диалогических функций которых помогают теория игр и теория игровых стратегий, участвующие в утверждении *экзистенциально-виртуального типа художественности* эпохи постпостмодернизма [Локтевич 2024: 14].

Так как перепрограммирование субъектного «кода» происходит на всех уровнях художественного текста, то исследование векторов модификации его словесно-знаковой природы позволит увидеть и изменения: 1) в *субъектной организации произведения* как «соотнесенности всех отрывков текста, составляющих в совокупности... произведение с соответствующими им субъектами речи и сознания» [Корман 1992; 143]; 2) и в конструировании ипостасей *собственно автора* – «особой формы выражения авторского сознания в лирике, соотносимой с лирическим героем, но отличной от него» [Корман 2003; 50], которая организует *эмоциональный тон* [Корман 2003; 51–52] песенной поэзии.

Привлечение нейросубъекта к художественной деятельности становится поводом для переосмысления принципа *«нераздельности и неслиянности»*, который актуализировался в начале прошлого века, однако является «намного архаичнее той интерпретации, которую он получил в христианстве» [Бройтман 2008: 155]. А в идейно-содержательной компоненте современной поэзии функционирование этого принципа может указывать на смену семантических маркеров субъектности, вызванную цифровизацией и фиджитализацией коммуникации современного человека. Безусловно, такого плана процессы меняют и хронотопические условия диалога, превращая лирического субъекта в героя-игрока, организующего субъектно-объектные отношения по правилам компьютерной игры, когда активно фигурируют *исходный код, исполняемый код, интерпретатор, локализация и локализатор* [Локтевич 2024: 14].

Образ автора в современной песенной поэзии дробится в еще большей степени, чем несколько десятилетий назад. Так, максимально приближается к сознанию биографического и собственно автора *медийный автор* – сценический посредник-игрок, выступающий на границе авторского и геройного

планов, создающий PR-биографию поэта и участвующий в оформлении мифологических интенций лирического героя. Кроме медийного автора для субъектной организации поэтического текста актуализируется и другое опосредованное алгоритмическими процессами «сознание» – нейросубъект, который участвует в медийной (ре)презентации лирического субъекта и апеллирует к миробытию эмпирического автора. С помощью алгоритмического агента поэтом-песенником создаются блоги для общения с реципиентом и продвижения творчества, афиши, веб-сайты, мерч, реклама, а нередко – музыка и текст, которые далее адаптируются к художественным запросам собственно автора. В ходе такого многосубъектного взаимодействия воспринимающее сознание все далее отходит от истинного создателя художественного мира, носителя лирического переживания. В свою очередь и имманентный субъект сознания и речи превращается в «распыленного» субъекта, который реализует множество сознаний, воспринятых им по правилам компьютерной игры: это уже не классический ролевой герой, не авторская ипостась, а гипертекстовый набор интенций из разных сфер, усвоенных собственно автором в интернет-пространстве. Очевидно, что обозначенные траектории трансформации субъектно-объектных отношений требуют последовательного уточнения методик их осмысления и трактовки.

Наш научный интерес обращен к когнитивным аспектам современного песенного творчества, сфокусированным на пересечениях нейросетевой сферы и традиционных представлений об авторстве, ведь «вопрос о скорой причастности искусственного интеллекта к созданию литературных произведений по сей день остается дискуссионным» [Максимов 2021: 108]. По мере того как поэт преодолевает сложности творческой самоидентификации и коллективной сопричастности (диалог с разными реципиентными группами, коллаборации с коллегами, маркетинговое присутствие в Интернете), влияние нейросубъекта на созидательные ресурсы Творца ставит перед исследователями необходимость пересмотра уже утвержденных схем субъектной организации литературного произведения.

Искусство выступает результатом сложного взаимодействия

нейронных процессов и актуального культурного контекста, а его рецепция «возникает как результат обмена сигналами между различными уровнями сенсорной иерархии, даже между разными сенсорными модальностями» [Рамачандран 2019: 58]. Более того, «множество различных лиц могут быть в одинаковой мере творцами одного и того же представления» [Выготский 1998: 20]. Таким образом, дискуссия о произведении не только выявляет индивидуальные художественные траектории (метод, стиль), но и вписывает их в более широкие рамки направлений и течений, которые в дальнейшем и формируют культурное самовыражение нации, этноса и сохраняются в *креативной памяти культуры* [Ассман 2014: 32].

Современная песенная поэзия как синтетический, поликодовый текст демонстрирует взаимодействие литературно-художественного «Я-сознания» и коммуникативных ипостасей других видов искусства (музыка, театр, живопись, кино, хореография, фотография) и разнообразных форм творчества (PR-тексты, перформанс, рекламный продукт, ИИ-конструкты), что также усложняет понимание ценностных изменений в мышлении автора. Например, некоторые рок-поэты («5 Diez», «8sonca», «aXamit», «LuX Aeterna», «Lumen», «Аффинаж», «Мельница», «КняZz») опираются в создании произведения на рецепцию их творчества в социальных медиа, организуют творческие конкурсы и стримы для выявления *горизонта ожидания*, который, однако, только лишь во внеличной форме «определяет воздействие текста» [Яусс 2004: 195]. Такая тенденция приводит к тому, что первичная идейно-нравственная, мировоззренческая установка собственно автора в условиях интернет-дискуссии и нейро-сетевого оформления творческой мысли подвергается трансформации: границы авторского и реципирующего сознаний интерферируются, проступают «симптомы» *смерти автора*, «отражающей идеологический и гносеологический сдвиг артикуляции с центральной фигуры (автор, субъект, Бог) на диффузное самопроизводство текста», происходит «отказ от пафоса личного начала в пользу свободной, машинной, “шизоидальной” игры значений» [Сербул 2011: 51–52].

О смерти автора, как подчеркивает Р. Барт, необходимо

говорить лишь в том случае, когда «о чем-либо *рассказывается* ради самого рассказа, а не ради прямого воздействия на действительность» [Барт 1989: 384]. Однако в авторских стратегиях многих современных поэтов-песенников («План Ломоносова», «Аффинаж», «Сколот», «Хрен», «Йорш», «Борисовский Тракт», «CHAOS MACHINE», «Vihilija») просматривается целый ряд манипулятивных тактик, рекламных приемов (например, создание песен рекламного характера, участие в продвижении рекламного продукта), питчинговых подходов, что в совокупности нередко становится причиной оформления образа автора как игрового субъекта, соучастника визуально-виртуального бытия. Самый распространенный выход из экзистенции «смерти» автора – создание творческих проектов («Нейромонах Феофан», «Быдлоцыкл», «Сымон-Музыка»), параллельно фигурирующих в PR-биографии музыкального коллектива или фронтмена группы, автора текстов и музыки. Конечно, чаще всего музыкальные проекты создаются как маркетинговые или PR-ответвления основного вида творческой деятельности, однако нередко именно такие инициативы позволяют поэту (ре) презентировать портрет уникального индивидуально-авторского свойства, показать свои творческие ипостаси, которые не могут в полной мере реализоваться в условиях со-творчества участников музыкального коллектива.

Цифровые платформы становятся сегодня новыми пространственно-временными зонами для со-творческих воплощений художественного образа, позволяющими (пере) распределять маркеры авторства, формирующие в итоге «оцифрованный, аудиовизуальный гипертекст» [Кастельс 1999: 498]. Сопоставляя принципы творческой деятельности человека и имитацию творчества нейросубъектом, А.В. Разин указывает на важное типологическое сходство в креативе автора и нейросети: «свободные ассоциации, случайные находки также присутствуют в творчестве человека, как и в творчестве, осуществляемом нейросетью» [Разин 2024: 48]. Песенная поэзия таких групп, как «Vihilija», «KaS», «Борисовский Тракт», «Bjarla», «Хрен», «Обе-Рек», «Дайте танк (!)» подтверждают, что вербальный контент одновременно может включать оригинальные авторско-

геройные нарративы и аллюзивно-реминисцентный опыт разных художественных парадигм, в том числе и нейросетевой, полученный посредством словесно-знаковых «кодов» (промпт → ответ) алгоритмического агента. В итоге такого взаимодействия сюжетно-композиционная схема произведений, созданных несколькими участниками группы и / или в «тайном» со-авторстве, осложняется синтезом разнородных ценностных мотивов и затрудняет дискуссию об истинном авторе художественного мира.

Исследование нейросубъекта в дискурсе современной русской и белорусской песенной поэзии требует также понимания историко-культурного контекста, определяющего специфику субъектно-образной системы. Музыкальные направления восточных славян испытывают сильное влияние языческих (фолк-рок, пейган-рок) и христианских (православный (панк-) рок / метал, духовная авторская песня, христианский рэп) традиций, ориентируются на темы патриотического вектора (Родина, родная земля, род, семья, дом, победа и др.) и, как полагают некоторые исследователи, эти «авторские рефлексии окружающего мира и представления о патриотизме близки духовному опыту» современного реципиента [Сидорова, Хуторненко 2023: 237]. Видение автора песенной поэзии, прежде всего, как Сакрального субъекта (Бога), вдохновляющего на создание художественного мира, в постпостмодернистской культуре переосмысливается с позиции *идейно-субъектной пограничности и демонического эстетства* [Локтевич 2024: 110–128]: появляются коллективы, испытывающие повышенный интерес к инфернальной стороне житнетворчества («RAVANNA», «DEFORM», «ЧЕРНЪ», «ПЛЕМЯ»), который также поддерживается с помощью нейросубъекта, создающего афиши, постеры, мерч, видео- и аудиоконтент соответствующей тематики.

Отметим, что это уже не (нео)романтический интерес к духовной стороне инобытия / небытия, а внимание к цифромодернистскому статусу высшего субъекта сознания, испытывающего, с одной стороны, влияние «мышления» алгоритмического агента, который регулярно взаимодействует с ним, а с другой, – воздействие философии компьютерных игр,

в которых *стратегический хоррор* как жанр вызывает стабильно высокий интерес у целевой аудитории: «Ищете, во что поиграть на Хеллоуин, или просто нравятся ужастики? В этой подборке – наиболее страшные игры жанра стратегия. Они не напугают вас так, как классические хорроры с внезапными скримерами на весь экран, однако вполне способны погрузить в холодящую атмосферу ужаса» [Филяк 2023].

Фиджитализация творческого процесса (например, создание лидером группы «Мельница» Хелависой песен для компьютерных игр) делает нейросубъекта верификационным дисплеем для изучения взаимосвязи первичных и вторичных субъектов сознания и речи в границах литературоведения. Например, возможен анализ вербальных и невербальных субтекстов песни, создание креативного контента и актуализация VR-/AR-реальности, генерация лирических персонификаций и перформансов, аватарных типов субъектности со своими портретными и условно-личностными характеристиками, медиатизация лирического субъекта и биографического автора, которых может замещать медийный автор. Такая перспектива не только меняет представление об уникальном гносеологическом действии художника слова, но и предвосхищает утверждение особого типа взаимодействия с горизонтом ожидания аудитории. *Эпохальная интерпеллятивность* [Локтевич 2024: 23] определяет условия формирования нейронных связей в сознании автора и процессуальные задачи нейронных сетей, воздействуя на создание произведения искусства, на его рецепцию. Б.М. Рахманкулов совершенно справедливо указывает на то, что «произведения генеративного искусства часто ставят зрителей в положение неопределенности, заставляя их задуматься о том, является ли результат работы машины частью человеческого замысла или же это автономный феномен» [Рахманкулов 2025: 62].

В настоящее время научный дискурс вокруг нейросубъекта и позиции автора в современной песенной поэзии все больше сосредоточен на последствиях когнитивной интерпретации художественного образа в творческом воплощении «Я-сознания». Исследователи рассматривают специфику создания поэтического

текста в условиях взаимодействия индивидуально-авторского экзистенциального опыта и алгоритмического бытия нейросубъектов с объектной функцией, которая определяется тем фактором, что нейросеть не создает новый творческий продукт. «Произведение» ИИ – это словесно-знаковый слепок из «чужого слова» (М.М. Бахтин), которое предлагается в зоне субъектно(человек)-объектных(машина) отношений, и оригинальность диалога в данном случае принципиально невозможна: «в нейронных сетях случайность закладывается в процесс обучения, где генеративные состязательные сети создают вариации изображений, обучаясь на массиве данных» [Рахманкулов 2025: 63–64].

Однако еще в 1925 г., до создания Интернета, Л.С. Выготский замечал те самые «нейромаркеры», интенционально входившие в уникальный художественный мир авторского «текста»: «Если бы мы захотели расчлнить, что в каждом литературном произведении создано самим автором и что получено им в готовом виде от литературной традиции, мы очень часто, почти всегда, нашли бы, что на долю личного авторского творчества следует отнести только выбор тех или иных элементов, их комбинацию, варьирование в известных пределах общепринятых шаблонов, перенесение одних традиционных элементов в другие системы и т.п.» [Выготский 1998: 21]. Ученый убежден, что «с психологической точки зрения нет принципиальной разницы между процессами народного и личного творчества» [Выготский 1998: 21], и речь в данном случае идет именно о равнозначном субъектно-субъектном усвоении, переосмыслении, трансформации и уникальной содержательно-формальной (ре)презентации словесного искусства.

Нередко современные рок-поэты используют социальные сети для совместного с целевой аудиторией эксперимента: оформление обложки музыкального альбома, дизайн концертной сцены, музыкальные и поэтические коллаборации. В процессе такого сотрудничества традиционные субъектно-субъектные отношения между Автором и Реципиентом трансформируются. Интерактивная природа социальных сетей позволяет в онлайн-режиме получать обратную связь от поклонников творчества

и осуществлять совместный художественный выбор, нивелируя саму идею о субъектной целостности автора. Более того, вклад в создание вербально-невербального материала в данном случае определить очень трудно. Нередки случаи, когда именно реципиенты публикуют вербальные субтексты песни и фотографии / видеозаписи концертов, что выстраивает *гипертекстовую метавселенную* со своими хронотопическими и субъектно-субъектными правилами функционирования. Однако положение подобных пространственно-временных локаций в интернет-пространстве имеет свои негативные факторы, среди которых «проблемы безопасности пользователей, “токсичного” поведения в сети и нарушения фундаментальных этических принципов взаимодействия, способных привести к тяжелым социально-психологическим последствиям» [Метавселенная... 2022: 21]. А ведь этические соображения должны быть приоритетом в любых исследованиях, изучающих культурное наследие. Для дискурса о современной культуре, подчеркивает О.Н. Астафьева, крайне важна «нацеленность на сохранение ее центрального ценностного ядра» [Астафьева 2022: 308].

Мы рассматриваем нейросубъекта как объекта с субъектными функциями, обладающего условным закодированным «сознанием» и «речью». В лирическом переживании определяющую роль «играет эмоция», однако и при изучении психологии «математического творчества найдется непременно особая “математическая эмоция”» [Выготский 1998: 42–43] – так в условиях «оцифрованного» художественного мира создается *эмоциональная реакция* (для нейросубъекта) и *эмоциональный тон* (для собственно автора и лирического героя). Альтернативное цифровое бытие, как и игровой геймплей, подменяет бытие реальное, продуцирует обострение уже существующих проблем коммуникативного взаимодействия и пересмотр правил создания художественного мира. Отметим, что неизбежное участие нейросубъекта в создании таких творческих «мастерских» – гипертекстовых метавселенных – в еще большей степени затруднит семантическую и категориальную дифференциацию ключевых понятий *системно-субъектного метода* (Б.О. Корман) и потребует его адаптации к центральным категориям современных

вербально-невербальных коммуникаций из сферы математики, информатики, нейролингвистики, поддерживая «ренессанс компьютерных методик в литературоведении, известных под общим названием digital humanities» [Соколова 2018: 142]. Вместе с тем думается, что это естественная траектория обновления теоретико-методологических основ современной теоретической поэтики в области песенной поэзии.

Творчество, по мнению В.И. Тюпы, «всегда предлагает некоторую воображаемую модель личностного способа присутствия в мире», а *установка творческого акта* – это «возникновение шедевра как реализация его собственной уникальной возможности, воспринимаемой самим пишущим в качестве тайны и дара (дарованного откровения)», потому что «даже с позиции атеиста возникновение художественной вселенной не может быть объяснено вполне технологически. Оно подобно сотворению мира Богом» [Тюпа 2024]. В высказывании ученого, по нашему мнению, содержится ключевая возможная сегодня интерпретационная линия субъектной организации песенной поэзии: классическая триада «автор – герой – читатель» будет и далее сохранять свои субъектные границы и рамы. Нейросубъект же как часть дополнительного коммуникативного пространства художественного мира, созданного собственно автором, должен осмысляться в качестве креативного «инструмента» с аналитико-синтетическими функциями, который позволит в ближайшем будущем расширить систему субъектно-объектных отношений через *многоголосье* (Б.О. Корман) антропогенных и нейросетевых импульсов-идей.

Нивелировать интерес творческой личности к нейросубъекту в сложившихся условиях развития цифровой культуры не представляется возможным. Поэтому важной научной задачей ближайших лет должна стать разработка методологии анализа субъектных маркеров нейросетевого «сознания»: уникальные приметы реализации в пространственно-временной и фразеологической точках зрения, особый образно-языковой «код» диалога с реципиентом-Автором и реципиентом-Читателем в хронотопической зоне интернет-среды.

Литература

Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.

Астафьева О.Н. Культурное наследие в современной культурной политике // Культурное наследие – от прошлого к будущему. М.; СПб.: Институт Наследия, 2022. С. 303–328. DOI: 10.34685/NI.2022.99.34.001.

Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.

Бройтман С.Н. Поэтика русской классической и неклассической лирики. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2008. 485 с.

Выготский Л.С. Психология искусства. Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 1998. 480 с.

Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М.: Academia, 1999. С. 494–505.

Корман Б.О. Избранные труды по теории и истории литературы / Б. О. Корман. Ижевск: изд-во Удм. ун-та, 1992. 236 с.

Корман Б.О. Практикум по изучению художественного произведения / Б. О. Корман. Ижевск: Изд-во ИПК; ПРО УР, 2003. 88 с.

Локтевич Е.В. Современная русская оригинальная рок-поэзия: трансформация субъектной парадигмы. М.: ИНФРА-М, 2024. 199 с. DOI: 10.12737/2100004.

Максимов А.Г. Искусственный интеллект как автор и соавтор литературного произведения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2021. № 1. С. 108–110.

Метавселенная: перспективы создания и социальные последствия / А.С. Ваторопин и др. // Теория и практика общественного развития. 2022. № 4. С. 19–25. DOI: 10.24158/ti por.2022.4.2.

Разин А.В. Нейросети и проблема авторства // Научно-исследовательские исследования. 2024. № 1. С. 46–53. DOI: 10.31249/scis/2024.01.03

Рамачандран В.С. Фантомы мозга. М.: ООО «Издательство

АСТ», 2019. 400 с.

Рахманкулов Б.М. От автоматов к нейросетям: историко-культурологический анализ генеративного искусства // Человек и культура. 2025. № 1. С. 60–69. DOI: 10.25136/2409-8744.2025.1.73146.

Сербул А.А. «Смерть субъекта»: философско-культурологический анализ проблемы субъекта в постмодернистском дискурсе // Веснік Палескага дзяржаўнага ўніверсітэта. 2011. № 2. С. 51–56.

Сидорова Г.П., Хуторненко А.А. Концепт «патриотизм» в русской художественной литературе XXI века // Ярославский педагогический вестник. 2023. № 4 (133). С. 230–239. DOI: 10.20323/1813-145X_2023_4_133_230.

Соколова Е.В. Истолковать и / или исчислить: о возможности комбинированного метода на стыке герменевтики и digital humanities // Современная наука о литературе: Основные тенденции и проблемы. М.: РАН. ИНИОН, 2018. С. 142–155.

Тюпа В.И. Литература и тайна творчества [Электронный ресурс] // Вопросы литературы. 06.06.2024. URL: <https://voplit.ru/2024/06/06/literatura-i-tajna-tvorchestva/> (дата обращения: 27.08.2025).

Филяк М. Ужасы в мире стратегий: страшные представители жанра [Электронный ресурс] // Стратегикон. 31.10.2023. URL: <https://strategycon.ru/horror-strategy-games/> (дата обращения: 27.08.2025).

Яусс Г.Р. История литературы как вызов теории литературы // Современная литературная теория. Антология. М.: Флинта: Наука, 2004. С. 193–200.

А.А. Лебедев (Россия, Москва)

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ-ОБОЗНАЧЕНИЙ ВАЖНЕЙШИХ ПЕРИОДОВ ИСТОРИИ РОССИИ

В работе очерчен круг лингвокультурно важных прилагательных, обозначающих периоды российской истории. С помощью опроса и анализа текстов из Национального корпуса русского языка выявлена большая актуальность «до-прилагательных» для русской языковой картины мира, что отражает линейную концепцию истории, принятую в современной русской лингвокультуре. Предварительно установлены национально-культурные и интернациональные характеристики рассматриваемых прилагательных-лингвокультурем, а также выделены два типа их значения – «глобально-историческое» и «узкое», обыденное.

Ключевые слова: лингвокультурология, языковая картина мира, прилагательные-обозначения периодов российской истории, философия языка.

По итогам первичного лингвистического анализа, в том числе корпусного [Национальный корпус...], нами были выявлены 16 до-прилагательных и 31 после-прилагательное (12 и 11 соответственно, если не учитывать варианты, даваемые ниже через косую черту, и синонимы), которые так или иначе относятся к обозначениям важнейших периодов истории России.

К важнейшим до-прилагательным, при первичном анализе, мы отнесли следующие лексемы: *дохристианский, домонгольский, доромановский, дораскольный, допетровский, дореформенный, дофевральский, дореволюционный, дооктябрьский, досоветский, довоенный, доперестроечный, допандемийный/допандемический, доковидный, доспецооперационный.*

К наиболее значимым после-прилагательным мы

бы причислили следующие слова *послемонгольский / постмонгольский, послераскольный / постраскольный, послепетровский / постпетровский, пореформенный / послереформенный, послефевральский / постфевральский, послереволюционный / пореволюционный, послеоктябрьский / пооктябрьский / постоктябрьский, послеромановский / постромановский, послевоенный, постперестроечный / послеперестроечный, постсоветский / послесоветский, постпандемный / послепандемный / постпандемический / послепандемический, посткоронавирусный / послековидный / посткоронавирусный, постспецоперационный / постспецоперационный.*

Попытаемся выяснить, какое отношение ко времени и к истории демонстрируют обнаруженные нами лексемы, прежде чем отобрать из их числа наиболее важные и актуальные, на наш взгляд, для современной русской языковой картины мира (ЯКМ) и, соответственно, лингвокультуры.

Для начала опишем ход и результаты проведенного нами экспериментального опроса, результаты которого в порядке убывания приведены на рисунках 1–2.

Первый субопрос (мы называем здесь таким термином первую часть опроса, реализованную одним опросником), касавшийся до-прилагательных и охвативший 33 человека разного возраста, статуса, образования, убеждений и пр., из которых как минимум 6 – это зарубежные студенты из разных стран, владеющие русским языком на уровне не ниже ТРКИ-I (B1), был проведен с 11:20 30.01.2023 по 12:00 01.02.2023; второй же субопрос, касавшийся после-прилагательных и охвативший 30 человек разного возраста, статуса, образования, убеждений и пр., из которых как минимум 6 – это зарубежные студенты из разных стран, владеющие русским языком на уровне не ниже B1, был проведен с 11:30 30.01.2023 по 12:00 01.02.2023. Оба субопроса проведены на странице автора ВКонтакте.

Внешняя (заявленная) цель данных субопросов заключалась в том, чтобы узнать, насколько те или иные лексемы известны современным русскоязычным и как эти данные коррелируют с результатами лингвистического контент-анализа. Далее, с помощью анализа результатов опроса, предполагалось достичь

внутренней, имплицитной цели – сделать выводы о значимости тех или иных слов и их групп для современной русской лингвокультуры, а также выяснить, какие особенности русской ЯКМ могут за этим скрываться.

На основе собственного анализа обнаруженных лексем в каждой группе прилагательных было предварительно выделено по 11 потенциально наиболее важных для современной лингвокультуры слов, причем учитывались как некоторые варианты, так и некоторые синонимы, наиболее, на наш взгляд, распространенные. Далее они были предложены для опознания опрашиваемым людям, причем словообразовательные варианты «допандемийный / допандемический» и «постпандемийный / постпандемический» были приведены в рамках одной строки.

Рис. 1–2. Результаты экспериментального опроса о распространенности и узнаваемости основных до- и после-прилагательных.

По итогам анализа результатов можно сделать следующие важные выводы:

- ✓ следует говорить о большей известности для русскоязычных и, соответственно, о большей важности для нашей лингвокультуры *до-прилагательных* (так, абсолютным рекордсменом стало слово «дореволюционный», опознанное всеми 33 опрошенными; среди представленных *до-прилагательных* опознано более чем половиною респондентов 8 слов, т.е. 4/5, а среди *после-прилагательных* – лишь 4 слова, т.е. 2/5);
- ✓ можно распределить все рассмотренные слова по полемому принципу: в ядро, на наш взгляд, следует включить лексемы, опознанные не менее чем 2/3 (67%) респондентов, в полупериферию – слова, опознанные 50–67% опрошенных (для второй части опроса – 30–67% опрошенных, поскольку в данном случае потребовались иные критерии оценки в силу меньшей узнаваемости *после-прилагательных*), а в периферию – *прилагательные*, опознанные менее чем половиной (50%) или, для второй части опроса, менее чем 30% людей, принявших участие в экспериментальном опросе.

Распределение слов по этим категориям можно установить с помощью рис. 1–2, нам же важно наметить некоторые интересные соответствия: например, наиболее удачно коррелирующей парой оказались *прилагательные* «*довоенный*» и «*послевоенный*» (оба входят в ядра своих групп и опознаны примерно одинаковым и довольно высоким процентом опрошенных), несколько хуже коррелируют *прилагательные* «*дораскольный*» и «*послераскольный*», отобранные нами в том числе и в силу их важности для понимания таких национально-маркированных слов, как «старообрядцы» и под. (оба слова находятся на дальнем краю периферии своих групп, однако слово «дораскольный» опознано значительно большим числом респондентов). Еще слабее коррелируют *прилагательные* «*допандемийный* / *допандемический*» и «*постпандемийный* / *постпандемический*» (первые находятся на дальнем краю полупериферии своей группы, а вторые – на ближнем краю полупериферии своей

группы, однако по процентам опознавших они довольно близки); иные соответствия также можно увидеть на рис. 1–2.

Анализируя результаты опроса далее, стоит сказать, что на первый взгляд может показаться, будто словесный ряд до-прилагательных, оказавшихся более актуальными для русскоязычных, чем после-прилагательные, сигнализирует нам об устремленности русскоязычных людей в прошлое (и элемент этого действительно есть, что далее будет рассмотрено подробнее). Однако по более пристальному рассмотрению выясняется, что в современном русском языковом сознании история представляется как **идущая вперед из глубины веков и разделяемая на периоды важными событиями-вехами**, которые радикально размежевали историю нашей страны на «до» и «после». И только одно из выделенных нами выше для рассмотрения в рамках данной работы до-прилагательных образовано от имени – **Петр Великий** вошел в память народа своими преобразованиями, к которым прилагательное **«допетровский»** косвенно и отсылает. Из этого следует и такой важный вывод: в рамках современной русской ЯКМ и лингвокультуры в части восприятия исторического процесса принята скорее **линейная концепция времени**, чем циклическая, хотя в целом в русском языковом сознании эти концепции взаимодействуют [Михеева 2004: 14–16].

Косвенно это подтверждается и тем, что т.н. «пред-прилагательные» демонстрируют нам, «что современные русскоязычные представляют историю как некую линию, идущую из прошлого в будущее и разделяемую на некие отрезки **событиями-вехами**, от которых **постфактум** отсчитываются в ближайшее прошлое небольшие периоды, которые и обозначаются пред-прилагательными, демонстрирующими, таким образом, взгляд на события **из будущего в прошлое**» (выделение наше – А.Л.) [Лебедев 2023: 353].

Отметим две основные особенности словесного ряда после-прилагательных:

1) те из данных лексем, которые почти общеизвестны современным русскоязычным (по данным опроса, о котором сказано выше), образуются от обозначений сравнительно близ-

ких к нам во времени событий-вех (это отличает их от ядерных до-прилагательных, в числе которых есть и такая лексема, как «дохристианский»);

2) многие из этих лексем, по нашим наблюдениям и авторефлексивным соображениям, обозначают обычно лишь небольшой период времени сразу после события-вехи (порой – лишь несколько лет), а исключение составляют, например, актуальные и сегодня слова «*постсоветский*» и «*постперестроечный*», отражающие понимание обществом важности такой вехи, как развал СССР, осознание народом того факта, что все даже сегодняшние общественно-политические процессы неразрывно связаны с крушением Советского Союза.

Далее, необходимо отметить, что анализ обычных словарей не дает представления о крайне важном явлении – указании до- или после-прилагательным либо **на (почти) всё время** до (после) события-вехи, либо **на некоторый небольшой период** до (после) него. Первое такое лингвокультурно и лингвострановедчески важное значение до- или после-прилагательного можно назвать «глобально-историческим», а второе – «узким», при этом данное второе значение, предположительно, обычно является ядерным в нашей ЯКМ, поскольку та, как известно, базируется в основном на обыденном языковом сознании, которое нередко не оперирует какими-то глобальными категориями (об этом говорится и в определении, данном в [Песина 2005: 358]).

Вероятно (по данным предварительного анализа встретившихся в Национальном корпусе русского языка контекстов), большинство до- и после-прилагательных имеют, в зависимости от контекста, или «глобально-историческое», или «узкое» значение; однако проявление преимущественно первого из них, по-видимому, характерно для прилагательных «дохристианский», «домонгольский», «дораскольный», «послераскольный» и «послепетровский» (однако, например, Ю.М. Лотман считал послепетровской эпохой время от начала реформ Петра Великого до смерти Пушкина [Лотман 1992: 58]). Судя по контекстуальному анализу данных из интернета, к этим прилагательным можно прибавить и крайне редкое слово «постмонгольский».

Важно отметить, что выражение преимущественно «глобально-исторического» значения, видимо, характерно в основном для прилагательных, отсылающих к *удаленным* от современности событиям-вехам, что может свидетельствовать об обобщенном и несколько размытом их восприятии. Вместе с тем ближайшие к нам сегодняшним события-вехи воспринимаются, вероятно, еще как актуальные, непосредственно влияющие на нашу сегодняшнюю жизнь, в силу чего и находящиеся вокруг них периоды ощущаются как сравнительно небольшие.

Интересно в указанном отношении прилагательное «*довоенный*», поскольку в данном случае мы можем указать относительно четко «нижнюю» границу обозначаемого этим словом периода (естественно, для «узкого» значения слова): это времена после гражданской войны, т.е. середина 20-х гг. XX в., хотя, судя по лингвострановедческому словарю «Россия» [Великая Отечественная война...], под словом «*довоенный*» чаще всего понимаются 1930-е гг. Под послевоенными годами понимаются обычно 1946–1950 гг., на что указано и в словаре «Россия».

В связи с вышесказанным думается, что после-прилагательные чаще всего обозначают не очень большие периоды времени, реже, чем до-прилагательные, имея «глобально-историческое» значение, и объяснение этому факту, вероятно, может скрываться в том, что нередко период **после** некоторой вехи может отсчитываться **до другой важной вехи**, при этом периоды **до** какого-то события, видимо, подвержены подобному менее.

В этом отношении особенно показательны редкие прилагательные «*послефевральский* / *постфевральский*», анализ употребления которых приводит нас к выводам о том, что этими словами обычно обозначается небольшой период между Февральской и Октябрьской революциями, а также что события последней явно затмевают события первой в рамках современной русской ЯКМ, ввиду чего и прилагательное «*дореволюционный*» отсылает сегодня не к дофевральскому, а к дооктябрьскому периоду. Вместе с тем назвать с научно-исторической точки зрения Февральскую революцию значительно менее важной вехой российской истории, чем революцию Октябрьскую, мы, пожалуй, не можем; однако поскольку ЯКМ базируется

скорее на обыденных представлениях, мы наблюдаем именно вышеописанную картину.

Важно упомянуть о том, что беседы с иностранными студентами и коллегами помогли наметить осмысление рассматриваемых лексем в **лингвокультурно-сопоставительном** аспекте: предварительно выяснено, что **интернациональным** в данном явлении является общая семантическая логика построения подобных слов, а к **национально-культурным** относятся такие аспекты, как выставление вехами истории тех или иных событий, словообразовательная организация подобных лексем, а также их количество, распространенность и важность для лингвокультуры в целом.

Далее следует особо рассмотреть вопрос об устремленности русскоязычных в прошлое, для начала избавившись от антинаучных представлений о русских как о ретроградах или инфантильных людях, мечтающих «о светлом прошлом» в силу «особенностей менталитета», как иногда непатриотично думают в некоторых слоях нашего общества.

Следует рассмотреть данный вопрос научно, всесторонне. Во-первых, устремленность в прошлое характерна лишь для **части** нашего общества. Во-вторых, устремленность в прошлое бывает **разной по характеру того прошлого**, в которое отправляются в своих мыслях люди: есть ностальгирующие по доперестроечному времени (обычно по 60–80-м гг. XX в.) или даже по 1990-м гг., есть превозносящие время дореволюционное, есть почитатели дохристианской Руси и пр. Интересно, что можно обнаружить нечто общее во всех этих устремлениях: прошлое мыслится почти неизбежно как «светлое», иначе даже мысленное отправление туда неоправданно и нерационально. В-третьих, устремленность в прошлое неодинакова и **по своим причинам и сущности**: например, по советскому прошлому могут ностальгировать не только те, кто провел там беззаботное детство или юность, но и те, кто сознает или хотя бы ощущает, что в нем скрывается прообраз нашего светлого будущего; другими причинами обращенности в прошлое бывают подверженность влиянию пропаганды (например, в случае с излишней идеализацией Российской империи) или субкультуры (например, такой маргинальной,

как неоязычество).

Одной из причин устремлённости *некоторой части* нашего общества в прошлое, актуализирующей употребление до-прилагательных, видимо, следует считать неприятие настоящего, т.е. неудовлетворенность современной жизнью в России в целом (что обычно связано с политическими взглядами) или какими-то отдельными, но важными ее моментами и частями.

Наконец, следует определить наиболее важные, с лингвокультурной точки зрения, прилагательные на основе данных опросов (в том числе по частотности и узнаваемости вариантов слов) и авторефлексивным соображениям автора работы: это 10 до-прилагательных (*дохристианский, домонгольский, дораскольный, допетровский, дореформенный, дореволюционный, довоенный, доперестроечный, допандемийный, доспецооперационный*) и 8 после-прилагательных (*послераскольный, послепетровский, пореформенный, послереволюционный, послевоенный, постсоветский, постпандемийный, постспецооперационный*). Именно эти слова, на наш взгляд, должны послужить ядром формирующегося списка лексем, потенциально важных для иностранных учащихся, в особенности в плане обучения чтению художественных текстов.

По лингвокультурологическом анализе возможны следующие **выводы:**

- ✓ до-прилагательные в целом важнее и актуальнее для современной русской ЯКМ и, следовательно, лингвокультуры в целом, в том числе и в силу некоторой устремленности части общества в прошлое, не являющейся, однако, главной причиной приоритетности до-прилагательных, служащих в первую очередь отражением линейной концепции времени;
- ✓ после-прилагательные (особенно образованные от названий событий-вех, отстоящих далеко от сегодняшнего момента) менее распространены и известны, чем до-прилагательные, кроме того, имеется как минимум один случай декорреляции (по-видимому, не существует соответственного прилагательного «послекрещенский», которое бы описывало Русь после

- принятия христианства);
- ✓ в рассматриваемом явлении есть как интернациональные, так и национально-культурные моменты, точное установление которых является делом будущего;
 - ✓ как у до-прилагательных, так и у после-прилагательных может иметься два лингвокультурно и лингвострановедчески важных значения: «глобально-историческое» и «узкое», предположительно являющееся приоритетным;
 - ✓ нами был определен примерный круг наиболее лингвокультурно важных лексем.

Литература

Великая Отечественная война // Лингвострановедческий словарь «Россия» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ls.pushkininstitute.ru/isslovar/?title=Великая_Отечественная_война/B1-B2 (дата обращения: 06.08.2025).

Михеева Л.Н. Время в русской языковой картине мира: лингвокультурологический аспект: автореф. дисс. д. филол. наук: 10.02.01. М., 2004. 36 с.

Лебедев А.А., Мамонтов А.С. Лингвострановедческое значение пред-прилагательных // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. Материалы Международной научно-практической конференции «XXIV Кирилло-Мефодиевские чтения» (24 мая 2023 г.): сборник статей / гл. ред. В.И. Карасик. М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2023. С. 351–357.

Лотман Ю.М. Русская культура послепетровской эпохи и национальная традиция. Труды по знаковым системам. Т. 24. Культура: Текст: Нарратив. Тарту, 1992. С. 58–71.

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.07.2025).

Песина С.А. Языковая картина мира в философском и лингвистическом осмыслении // Известия РГПУ им. Герцена, 2005. №10. Т. 5. С. 358–362.

Н.А. Карасева (Россия, Москва)

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
ПРОИСХОЖДЕНИЯ СЛОВ
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ
«ВИДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ» В НАЗВАНИЯХ СТАНЦИЙ
МОСКОВСКИХ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ДИАМЕТРОВ**

В статье рассматривается история изучения городских топонимов, анализируется классификация урбанонимов Московских центральных диаметров по лексико-семантическому признаку, делается попытка выявить историко-культурные коннотации, заложенные в топонимике транспортной системы Москвы и области.

Ключевые слова: топоним, лингвокультурологический аспект, урбаноним, транспортная система.

Топонимы окружают нас повсеместно: улицы, станции, районы города. Современный человек живет в движении, пользуясь общественным транспортом. Добраться до работы, посетить фестиваль или экскурсию, отправиться за город – все эти действия связаны с тем, что мы так или иначе обращаемся к названиям местностей.

Имена собственные часто становятся объектом пристального внимания, поскольку любое имя собственное – это слово, а потому оно входит в систему языка, образуется по законам языка, по определенным законам живет и употребляется в речи, подвергается разным изменениям.

Один из российских языковедов-культурологов, профессор Геннадий Дмитриевич Томахин однажды точно сформулировал специфику географических наименований: *«Топонимы – неотъемлемая часть фоновых знаний носителей данного языка и культуры: в них, как в зеркале, отражается история заселения и освоения данной территории. Поэтому именно эта часть*

лексики издавна привлекает внимание не только филологов, но и историков, этнографов, географов» [Горбаневский 2007: 11].

Интерес москвичей к топонимам может быть подтвержден с XVII века, когда Москва вошла в ряд крупнейших столиц мира. В XIX в. топонимика стала более широко исследоваться как часть историко-географических трудов. Обширны и интересны труды отечественных лингвистов: А.А. Мартынова «Названия московских улиц и переулков с историческими объяснениями», В.А. Никонова «Введение в топонимику», А.М. Селищева «Из новой и старой топонимики».

В 1960-е гг. появляются первые топонимические исследования урбанонимов, в то время были опубликованы статьи о системах урбанонимов Балашова, Калуги, Ленинграда, Москвы, Обнинска, Ульяновска и других городов. В эти же годы исследователи пытались анализировать системы урбанонимов отдельных городов.

Мысль о происхождении топонимов изучали, описывали филологи Р.А. Агеева, Г.П. Бондарук, Т.П. Соколова, В.Г. Костомаров, Д.С. Лихачев, В.П. Нерознак, Н.В. Подольская, Г.П. Смолицкая, А.В. Суперанская, В.Н. Топоров, историки Ю.Н. Александров, А.Г. Векслер, И.Е. Забелин, В.Ф. Козлов, М.Г. Рабинович, И.М. Снегирев, П.В. Сытин, С.О. Шмидт, Л.А. Ястржембский, географы Ю.К. Ефремов, Э.М. Мурзаев, Е.М. Поспелов, топонимист и этнограф В.А. Никонов, краеведы и литераторы Я.М. Белицкий, Л.Е. Колодный, Н.М. Молева, В.Б. Муравьев, С.К. Романюк. [Горбаневский 2007: 13].

Учеными-топонимистами были предложены различные классификации по словообразовательному и семантическому (лексико-семантическому) принципам.

Следует подчеркнуть, что топонимические наименования обладают значительным лингвокультурологическим ресурсом, что объясняется их возможностью аккумулировать фоновые сведения не только о конкретном обозначаемом месте, но и обо всей культуре, частью которой оно является.

Изучение топонимов находит свое отражение в таких дисциплинах, как лингвострановедение, лингвокультурология

и межкультурная коммуникация. Данные области знаний активно разрабатываются исследователями, среди которых можно выделить М.Н. Аникину, В.Д. Бондалетова, Е.М. Верещагина, М.В. Горбаневского, В.Г. Костомарова.

Московские центральные диаметры – это крупнейший транспортный проект Москвы и Московской области – новое наземное метро, которое объединяет формат пригородных поездов и столичного метро. Название проекта «Московские центральные диаметры» (МЦД) было определено в рамках единой концепции наземного железнодорожного транспорта и по аналогии с проектом «Московское центральное кольцо» (МЦК). Аббревиатура МЦД отражает в себе особенности диаметрального движения нового вида городского транспорта, она была выбрана совместным решением Правительства Москвы, Правительства Московской области и ОАО РЖД.

В Москве действует четыре диаметра:

МЦД-1 («Белорусско-Савёловский») – от Одинцово до Лобни.

МЦД-2 («Курско-Рижский») – между посёлком Нахабино и Подольском.

МЦД-3 («Ленинградско-Казанский») – от Зеленограда (Зеленоград-Крюково) до Раменского (Ипподром).

МЦД-4 («Калужско-Нижегородский») – от Железнодорожного (Железнодорожная) до Апрелевки.

Среди топонимов можно выделить некоторые названия станций в отдельную лексико-семантическую группу «виды деятельности».

По занятию и виду деятельности выделяются следующие топонимы: *Баковка, Беговая, Бутово, Быково, Калитники, Красный строитель, Лихоборы, Сортировочная, Моссельмаш, Переделкино, Перово, Рабочий посёлок, Силикатная, Сходня, Текстильщики, Трикотажная, Фабричная.*

Рассмотрим каждый пример более подробно.

Название станции *Баковка* дано по микрорайону города Одинцово. Существует несколько версий, почему это место названо именно так.

Версия первая: на стыке XIX и XX столетий жители деревни Мамоново начали вырубать лес по берегам маленькой речки,

впадающей в Сетунь. Преимущественно это был низкосортный лес, произраставший у самой воды. Его доставляли на площадки, где распиливали и заготавливали кору для плетения рогож. Подобный способ обработки дерева именовался баковкой. Прогалины вдоль реки, где велась баковка, лесорубы нумеровали и называли баковками (баковка первая, баковка вторая).

Версия вторая: впервые эти места упоминаются в конце XVI в. (1573 г.), когда при описании вотчины села Мамонова Троице-Сергиева монастыря встречается «пустошь, что была деревня Кудринская, Осташково, Баково толе, на речке на Баковке». Название Кудринская связано с древнерусским именем Кудря, Осташково – с православным именем Евстафий, а Баково – с неправославным именем Бак. Например: дворянин Иван Васильев, сын Баков, 1610 г. [Поспелов 2000: 298].

В некоторых говорах можно встретить однокоренные слова.

Бак, а, м. 1. Лодка. Кадн. Волог., 1898. Лодка, выдолбленная из толстого бревна. Лодка, как колода. У нас называли бак. Коптел. Свердл., 1964. 2. Большой деревянный чан. Кашин. Твер., 1897. || Небольшая круглая деревянная лоханочка. Ворон., 1916 [Филин 1966: 57].

Баковка, и, ж. Сорт рогожи. Костром., Бурнашев. [Филин 1966: 63].

Внутренняя форма слова: дерево, которое использовали для заготовок лыка для рогожи и других небольших предметов, напоминающих лапти по форме, но в больших размерах (лоханка, лодка).

Такие деревянные предметы использовали либо для передвижения по воде, либо для наливания воды внутрь предмета (для стирки белья, мытья посуды).

Отметим, что слово **Баковка** диалектное и является безэквивалентной лексикой.

Станция **Беговая** названа по улице Беговая, а та, в свою очередь, названа в конце XIX века. Улица проходит мимо ипподрома («лошадиная дорога»), где устраивались бега и скачки.

Бутово – станция 2 диаметра, названная по району. Сам район назван по селу Бутово, которое упоминается в документах с XVII века. Версий тоже несколько. Одна из них основывается

на том, что название села происходит от неканонического имени Бут. Но, к сожалению, нет исторических подтверждений, на что обращает внимание автор словаря [Поспелов 2000: 73].

В этимологическом словаре М. Фасмера находим: бут – мелкий камень, щебень, идущий на строительство шоссежных дорог и заполнение стен, бутить «наполнять яму цементным раствором и щебнем». Ср. болг. бу́там «стукаю, касаюсь», словен. bútati, bûtam «бить, стучать», bútití «сильно ударять» [Фасмер 1986: 252].

Раньше в этой местности добывали известняк – бут. Эта информация подтверждается дореволюционным словарём Брокгауза и Ефрона, в котором сказано о том, что белый камень отправляли с железнодорожной станции *Бутovo*, а потом использовали, чтобы залатать ямы или засыпать рвы.

Станция *Быково* названа по селу. Оно впервые упомянуто в XIV веке в завещании князя Дмитрия Донского. Позднее на лугах села откармливали скот для последующей его отправки в Москву. В настоящее время рядом со станцией находится Промкомбинат Быково, что создает определенный образ, связанный с животноводством.

Калитники отражает название местности. Распространено мнение, что здесь находилось одноименное село, принадлежащее Ивану Калите. Но в документах этому нет точного подтверждения. По форме слова можно предполагать, что в этом районе жили калитники – мастера, делавшие кожаные сумки и кошель (калиты), на основании форм топонимов *Кожевники*, *Сыромятники*.

Красный строитель названа по рабочему поселку, возникшему в советское время в связи с развитием промышленности и заводов [Поспелов 2000: 185].

Лихоборы обязаны названием тому, что в XVII–XVIII вв. в «лихом бору» на проезжих нападали разбойники. «Дмитровская дорога петляла среди холмов, покрытых густыми лесами. Их тоже называли лихими», – отмечает Анна Демчикова, историк, создатель путеводителей.

Добавим, что *лихой*, по этимологическому словарю, «злой, дурной, несчастный», др.-русс. лихъ «лишенный, печальный, злой, плохой, лихой, отважный», ст.-слав. лихъ ἁλλότριος (Супр.,

Клоц.), болг. лих, ж. лиха́, ср. р. лихо́ «злобный, лихой, своенравный», сербохорв. ли́х, ли́хо, словен. lih «нечетный, непарный», чеш. ličný «лишний, нечетный, лукавый, пустой», польск. lichy «нечетный, плохой, бедный», в.-луж. lichí «голый, свободный» [Фасмер 1986: 505].

Бор трактуется несколькими значениями:

I. «сбор, налог». Также многочисленные производные: сбор, убо́р. Связано чередованием гласных с беру́, брать. Родственно лит. b̃ãgas «часть поля, которая скашивается за раз», лтш. uzbars «излишек», др.-инд. bh̥́argas м. «**прибыль, награда, добыча, борьба**», греч. φόρος «налог», алб. barë «тяжесть, груз».

II., род. п. **бо́ра «хвойный, сосновый лес»**, укр. бір, род. п. бо́ру, русск.-цслав. боръ (по-видимому, основа на -у), ср.-болг. собир. боровие, болг. бор «сосна», сербохорв. бо́р, род. п. бо́ра «сосна», чеш. bor «сосновый лес» [Фасмер 1986: 192-193].

У этого топонима сохраняется негативная оценка:

На станции «**Лихоборы**» Все время шастают воры, / Которые любят лишь помидоры, / Но не любят про них разговоры. [Василий Катанян. Лоскутное одеяло (1990-1999)].

Станция **Сортировочная** названа так потому, что именно она предназначалась для массового расформирования и формирования грузовых поездов, а **Моссельмаш** носит название по расположенному вблизи заводу «Московский завод сельскохозяйственного машиностроения».

Остановочный пункт **Переделкино** назван по расположенной поблизости деревне Переделки. Существует также несколько версий возникновения топонима.

Первая версия: название Переделкино появилось в XVII веке благодаря судоремонтной верфи на реке Сетунь – там ремонтировались, то есть переделывались, суда. Со временем Сетунь измельчала и верфь прекратила существование.

Другая версия предполагает заимствование названия от деревни Передельцы [Васильева, Лобов 2011: 94].

В словаре русских говоров встречается слово «передел»: способ разрезки рыбы, заготавливаемой на продажу. Терек., 1898. Способ переработки, приготовления икры, определенных сортов [Андреева-Васина 1991: 83].

Определяем взаимосвязь с рыбой: там, где была рыба, была рядом и река.

Остановочный пункт **Перово** был назван по бывшему селу с таким названием. Первая версия антропонимическая – наименование может происходить от неканонического имени Перо. Однако название известно с XVI века, в 1573 году здесь упоминаются пустоши Тетеревники, Бортное и Пирогово, Перово. Топоним может свидетельствовать об охотничьих и промысловых корнях местности. Здесь проживали великокняжеские тетеревники – охотники, обслуживавшие птичью охоту на тетеревов, а также проходила царская охота [Агеева 2007: 402].

Название **Рабочий посёлок** дано по одноименному району, жители которого занимались строительством железнодорожного полотна.

Станция **Силикатная** названа по одноименному заводу.

Остановочный пункт **Сходня** назван по такой же реке. В этом районе суда с реки Всьходни ставили на катки и перетаскивали, волокли на Клязьму. Это подтверждает историк Москвы И.Е. Забелин.

Обратясь к словарю говоров мы можем выявить взаимосвязь названия с деятельностью жителей.

Сход, проход, возможность для судна пройти куда-л. *Будет ли сход?* Арх., 1847. В становище заходить не глубоко, однако всегда сход есть.

Сходень, м. Деревянный помост для перехода, схода с судна, лодки на берег. Слов. Акад. 1847. Даль. Слов. Акад. 1963.

Сходная, ж. Сходня для спуска с судна. *Берите якоря булатные // Опускайте в сине море, / берите сходную дубовую, // Опускайте на желтые пески.* Пинеж. Арх., 1864.

Сходни, мн. 1. Спуск к реке. *Надо сделать сходни к реке.* Пск., 1902. Смол. 2. Мостик из жердей через речку. *Через всю речку перекинута палка – это сходни; ставятся на козелках.* Старорус. Новг., 1995 [Андреева-Васина 2010: 69].

В районе **Текстильщики** располагался ткацкий посёлок, где жили и трудились рабочие. После революции, в 1925 году, в усадьбе, которая когда-то располагалась на территории района, расположился Дом отдыха профсоюза текстильщиков. Именно

это обстоятельство и дало району и железнодорожной станции название Текстильщики.

Трикотажная названа по Тушинской чулочной фабрике, которая была открыта в 1929 году, а станция **Фабричная** носит такое наименование потому, что изначально создавалась для работников ткацко-прядильной фабрики «Красное знамя» [Поспелов 2000: 282].

Рассмотрев некоторые урбанонимы, мы можем сделать вывод о словообразовательной классификации.

Некоторые названия станций Московского центрального диаметра были образованы суффиксальным способом. Перечислим такие городские топонимы: **Баковка, Бутovo, Быково, Калитники, Переделкино, Перовo, Сходня и Текстильщики**.

Есть станции, названия которых были образованы при помощи сложения (**Лихоборы, Мосcельмаш**), а также субстантивации (**Беговая, Сортировочная, Силикатная, Трикотажная, Фабричная**).

Отдельный пласт занимают названия, которые сочетают в себе прилагательное и существительное: Красный строитель, Рабочий поселок.

Нами было проанализировано 17 станций. Самым частотным словообразовательным элементом оказался суффикс, из 17 названий станций суффиксальным способом образованы 8.

Некоторые урбанонимы укоренились в нашем национальном сознании и стали самостоятельными символами-номинациями. Мы можем увидеть такие особенности при помощи Национального корпуса русского языка. Таковы станции **Переделкино, Бутovo, Рабочий поселок** и **Красный строитель**.

При употреблении топонима **Переделкино** возникает ассоциация с небольшим поселком, где жили признанные поэты и писатели.

*Как-то в воскресенье мы плохо договорились с ней, и я поехал в **Переделкино** показывать одному писателю свои очередные упражнения.* [Василий Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963)].

*Фадеев уединяется в **Переделкине**, пишет «Молодую гвардию».* [В. О. Авченко. Фадеев (2017)].

*Да, пожалуй, все; это, может, раньше, там, дачу давали в **Переделкино**, ну, или печатали в обход кого-то еще, но сейчас вопросы такого рода уж точно вне компетенции практикующих критиков. [Л. А. Данилкин. Коррупция дружбы (2016)].*

*Я катался на лыжах по **Переделкино**, это был март 1959 года, и вдруг мой товарищ, житель **Переделкино**, сказал: «Вон Пастернак». [Борис Любимов. Три главные темы в жизни — Церковь, литература и театр (2015)].*

При звучании слова **Бутovo** вспоминается Бутковский полигон: такой урбаноним обладает негативной оценкой.

*Жизненный путь многих из них оборвался вблизи поселка **Бутovo** Ленинского района Московской области, на огороженной территории спецполигона НКВД СССР. [протоиерей Вадим Базылев. Рязанская епархия накануне Великой Отечественной войны // «Церковь богословие история», 2020]*

*Из Бутырского тюремного замка заключенных отправляли либо на расстрел в подмосковное **Бутovo** (100 новомучеников), либо в заключение на Соловки, в Казахстан и другие места, при этом многие заключенные были доставлены в Москву из разных мест. [Тамара Амелина. Храм в Бутырке: поддержка святых вместо обвинения (2017.06) // «Правмир», 2017]*

*Одного моего дядю расстреляли, как потом выяснилось, в **Бутovo**. [Ксения Лученко. Ключ от камеры // «Русская жизнь», 2012].*

Красный строитель напоминает об эпохе СССР и коллективном труде:

*Организация тем временем стремительно росла, ширилась, разветвлялась: в нее неугомонными потоками вливалась дачная молодежь из поселков «Красный полярник», «Красный авиатор», «Красный печатник», «**Красный строитель**», «Красный писатель», «Красный актер», «Красный композитор», «Красный академик», «Красный художник», «Красный командир», «Красный эпроновец», «Красный металлург», «Красный кооператор», «Красный зверовод» и многих других. [Ю. М. Поляков. Гипсовый трубоч, или конец фильма (2008)].*

*Строительная артель «**Красный Строитель**» по существу — предприятие нескольких лиц. [Соколов. По диким кооперативам*

(15.10.1928) // «Нижегородский кооператор», № 20 (85), 1928].

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что названия станций отражают историю местности, культурные особенности и жизнь людей. Топонимы являются важным элементом транспортной инфраструктуры, средством коммуникации и ценным источником информации о культуре и истории народа.

Литература

Агеева Р.А., Бондарук Г.П., Поспелов Е.М. Перовская улица // Имена московских улиц. Топонимический словарь. М.: ОГИ, 2007. 608 с.

Васильева К., Лобов Л. Переделкино, сказание о писательском городке. М.: Бослен, 2011. 580 с.

Горбаневский М. В. Москва: кольца столетий. Из истории названий местностей и районов, улиц и переулков столицы. М.: Олимп: Астрель: АСТ, 2007. 441 с.

НКРЯ / Национальный корпус русского языка. Основной корпус. URL: <https://ruscorpora.ru>

Официальный портал мэра и правительства Москвы / От «Шелепихи» до «Зюзино»: откуда происходят названия станций московского метро. URL: <https://www.mos.ru/news/item/102552073/>

Поспелов Е.М. Топонимический словарь Московской области: Селения и реки Подмосковья: 3500 словар. ст. Москва: Профиздат, 2000. 315 с.

Савчук С.О., Архангельский Т.А., Бонч-Осмоловская А.А., Донина О.В., Кузнецова Ю.Н., Ляшевская О.Н., Орехов Б.В., Подрядчикова М.В. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития. Вопросы языкознания, 2024, 2. С. 7–34.

Сайт Московского метрополитена. URL: <https://mcd.mosmetro.ru/?ysclid=mcamoh5pox446733895>.

Сороколетов Ф.П. Словарь русских народных говоров / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз., Слов. отдел; гл. ред. Ф.П. Сороколетов. Ленинград: Наука, Ленингр. отд-ние. Вып. 26: *Первее – Печетник* / ред. вып. И.А. Попов; авт.-сост. Н.И. Андреева-Васина [и др.]. 1991. 350 с.

Сороколетов Ф.П. Словарь русских народных говоров / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; гл. ред. Ф.П. Сороколетов; отв. ред. С.А. Мызников. Санкт-Петербург: Наука. Вып. 46: *Сухлость – Телеса* / сост. Н.И. Андреева-Васина [и др.]. 2010. 349 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Пер. с нем и доп. члена-корреспондента АН СССР О.Н. Трубачева; под ред. и с предисл. проф. Б.А. Ларина. Изд. 2-е, стер. Москва: Прогресс, (А – Д). Т. 1. 1986. 573 с. Т. 2: (*Е – Муж*). Т. 2. 1986. 671 с.

Филин Ф.П. Словарь русских народных говоров / Академия наук СССР, Институт русского языка, Словарный сектор. Москва: Наука, 1966. Вып. 2: *Ба – Блазниться* / Сост. Ф.П. Филин. 1966. 316 с.

А.Л. Вусик (Россия, Мариуполь)

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЭТНОЦЕНТРИЗМА

В статье идет речь о межкультурном общении в контексте этноцентризма, который представляет собой процесс, в ходе которого происходит не только восприятие и адаптация чуждых культурных норм, но и неизбежное сравнение собственной культуры с другими, что складывается в своего рода эталонную систему оценок. Этот подход, по мнению автора, нельзя считать неправильным, поскольку этноцентризм выполняет важную социальную функцию – способствует сохранению идентичности и сплоченности внутри культурных сообществ. С другой стороны, этноцентризм – сложная общественная проблема, заслуживающая всестороннего рассмотрения, изучения и оценки.

Ключевые слова: этноцентризм, доминирование, дискриминация, межкультурное общение.

Сегодня мы наблюдаем этнические парадоксы современности – стремление народов сохранить свою уникальность и бурный рост этнической идентичности.

Межкультурное общение в контексте этноцентризма представляет собой процесс, в ходе которого происходит не только восприятие и адаптация чуждых культурных норм, но и неизбежное сравнение собственной культуры с другими, что складывается в своего рода эталонную систему оценок.

Современный мир отличается многонациональным составом, и одним из главных факторов, приводящих к недопониманию и проблемам во взаимодействии между различными этническими группами, является этноцентризм.

Этноцентризм характеризуется как тенденция людей оценивать и интерпретировать поведение представителей

других культур через призму собственных культурных норм, ценностей и убеждений своей этнической группы. Австрийский социолог И. Гумплович впервые ввёл понятие «этноцентризм» в 1883 году [Пашукова 2009]. В 1906 году У. Самнер предоставил ему психологическую интерпретацию, рассматривая его как стремление членов группы считать свою группу (обычно национальную или этническую) более совершенной, чем другие [Sumner 1906].

Американские психологи М. Бруэр и Д. Кэмпбелл выделили ключевые признаки этноцентризма: собственная культура воспринимается как правильная, а элементы чужой культуры – как ошибочные; собственные обычаи считаются универсальными и общепринятыми; предпочтение отдаётся взаимодействию и сотрудничеству только с членами своей группы, а к представителям других групп испытывается недоверие и даже враждебность [Герген 2006].

Этноцентристское видение мира имеет глубокие корни: еще в античности греки делили все народы на эллинов и варваров.

На формирование этноцентризма также оказали влияние такие события, как многочисленные крестовые походы, путешествия, географические открытия, колонизация.

В период 60–70-х годов XX века многие люди ощутили усиление чувства принадлежности к своему этносу. Это явление во многом было обусловлено желанием сохранить уникальный уклад жизни, культурные традиции и самоидентичность в условиях перемен. Однако, подобное осознание нередко приводило к напряженности в отношениях между различными этническими группами, провоцировало межнациональные столкновения и вооруженные конфликты, а также стимулировало рост националистических и экстремистских настроений.

Период власти *Адольфа Гитлера* (1933–1945 гг.) продемонстрировал крайнюю степень этноцентризма, который был возведен в ранг государственной доктрины.

В основе этой идеологии лежало убеждение в несомненном превосходстве арийской расы над всеми остальными, что служило оправданием для беспрецедентных актов дискриминации, жестокости и массового уничтожения. Расовая

теория, продвигаемая нацистами, провозглашала немцев, как представителей «арийской» расы, обладающими выдающимися умственными и физическими качествами. Эта концепция активно внедрялась через пропаганду, систему образования и культурные учреждения, формируя в немецком обществе ощущение национальной исключительности и пренебрежения к другим народам. Евреи, славяне, цыгане, люди с ограниченными возможностями были признаны «расово неполноценными» и подвергались систематическим гонениям, насильственному переселению и уничтожению.

Нацистская идеология, основанная на этноцентризме, также использовалась для обоснования территориальной экспансии и агрессивной внешней политики.

Концепция «жизненного пространства» (Lebensraum) предполагала расширение границ Германии за счет восточных территорий. Эта политика стала причиной Второй мировой войны, которая обернулась огромными страданиями и разрушениями для всего мира.

Этноцентризм нацистской Германии оставил неизгладимый след в истории и служит предостережением от опасности расовой дискриминации. Изучение этого трагического периода необходимо для предотвращения повторения подобных злодеяний в будущем и для построения толерантного и справедливого общества, основанного на уважении к человеческому достоинству.

По разным оценкам, во Второй мировой войне погибло свыше 55 млн человек. Наибольшие человеческие жертвы понёс Советский Союз (около 27 млн человек).

Основным преступлением Гитлера считается холокост: преследование и массовое уничтожение представителей различных этнических и социальных групп (более 40 млн человек).

Сегодня активно обсуждают американскую исключительность, многочисленные публикации пестрят статьями, что Соединённые Штаты и их культура уникальны и более развиты, чем в остальных странах мира.

Европейцы верят в то, что западная культура со всеми её достижениями и способом понимания жизни превосходит

все другие, которые существовали на протяжении истории – *евроцентризм*.

Индийский национализм – тип *этноцентризма*, который защищает Индию как самую духовную и культурную страну в мире.

Япоцентризм убеждает, что Япония должна быть центром мира, а *синоцентризм* считает, что Китай самая передовая страной в мире.

Мы постараемся более детально изучить особенности *этноцентризма в мусульманском мире*. Влияние этноцентризма в арабском мире представляет собой сложное переплетение факторов, пронизывающих все сферы жизни – от политических стратегий и экономических процессов до культурных норм и межличностных отношений.

По данным ООН на 2025 год (<https://gtmarket.ru/rati>), совокупное население всех 22 арабских стран – около 475 миллионов человек: Египет – 113 326 826, Судан – 48 548 561, Алжир – 45 855 063, Ирак – 45 862 669, Марокко – 37 974 607, Саудовская Аравия – 37 137 155, Йемен – 34 717 245, Сирия – 23 625 213, Сомали – 18 338 288, Тунис – 12 494 137, Иордания – 11 355 011, ОАЭ – 9 543 508, Ливия – 6 915 188, Палестина – 5 414 266, Ливан – 5 307 223, Мавритания – 4 908 157, Оман – 4 668 438, Кувейт – 4 324 625, Катар – 2 723 870, Бахрейн – 1 490 182, Джибути – 1 141 965, Коморы – 857 493 человека (Диаграмма 1):

Диаграмма 1
Основные арабские страны

В арабском мире склонность оценивать другие культуры и народы через призму собственной проявляется в нескольких ключевых аспектах. Исторически сложилась иерархия, где арабская культура традиционно воспринимается как превосходящая другие, особенно неарабские. Это убеждение подкрепляется богатым наследием, значительным вкладом в науку и философию, а также особой религиозной ролью арабского языка как языка Священного Корана. Кроме того, этноцентризм проявляется в отношении к этническим и религиозным меньшинствам внутри арабских государств.

Дискриминация, маргинализация и ограничение прав часто являются прямым следствием этноцентрических установок большинства населения.

Внешняя политика и международные отношения также подвержены влиянию этноцентризма, поскольку восприятие других стран и регионов формируется сквозь призму арабских интересов и культурных ценностей, что может приводить к недопониманию и обострению конфликтов. Однако важно признать, что этноцентризм в арабском мире не является монолитным явлением. Существуют различные течения и взгляды, которые оспаривают доминирующие установки и призывают к большему уважению культурного разнообразия. Развитие образования, распространение информации и укрепление гражданского общества могут способствовать преодолению этноцентрических предрасудков и построению более открытого и толерантного общества.

Примером усиления противопоставления арабского мира другим народам, особенно европейским и североамериканским, служит актуальная ситуация. В последние десятилетия этноцентрические тенденции, охватившие страны арабского мира, несмотря на стремление сохранить уникальную культуру, сформировавшуюся на протяжении веков, и ценности ислама, породили склонность видеть в европейцах преимущественно негативные аспекты. В ответ на это европейские страны демонстрируют тенденцию к изоляции от арабского мира, что усугубляет общую напряженность. Альтернативой этому может стать установление разнообразных контактов, основанных на принципах равнопра-

вия и взаимного уважения, а также создание организаций, планирующих и контролирующих межкультурное взаимодействие.

В мусульманском мире, как и в любом обществе, существует дихотомия между силой и слабостью, где добро ассоциируется с могуществом, а зло – со слабостью.

Почитание власти и уважение к силе – традиционные принципы взаимоотношений между народом и его лидерами.

Этноцентризм, присущий всем культурам, в мусульманском мире приобретает специфические формы, обусловленные историческими, религиозными и социальными факторами.

Чувство принадлежности к всемирной исламской общине может сочетаться с выраженной этнической идентичностью, создавая сложную систему лояльностей. Хотя ислам изначально проповедует универсальность и стирание этнических различий перед лицом Бога, на практике этнические факторы часто играют значительную роль в формировании социальных и политических отношений.

Арабо-исламская цивилизация, где арабский язык и культура занимали доминирующее положение, привела к формированию этноцентрической перспективы, в которой арабская культура воспринималась как эталонная.

В современном мире этноцентризм в мусульманском мире может проявляться в различных формах, от предпочтения своей этнической группы до открытой дискриминации. Конфликты на этнической почве, такие как противостояние между суннитами и шиитами, или между различными этническими группами в странах Ближнего Востока и Африки, свидетельствуют о сохраняющейся актуальности этой проблемы.

Разрешение этих противоречий требует признания и уважения разнообразия культур и этнических групп, составляющих мусульманский мир, и продвижения принципов равенства и справедливости.

Современный этноцентризм. В настоящее время этноцентризм рассматривается как закономерный результат определенных обстоятельств и важный психологический механизм, обеспечивающий самосохранение нации. Он не только создает препятствия в коммуникации, но и способствует формированию

ошибочных суждений, стереотипов и предрассудков.

В связи с многочисленными негативными последствиями для общества, проблема этноцентризма продолжает привлекать внимание исследователей. Они изучают не только причины возникновения этого явления, но и разрабатывают стратегии и практические методы для его смягчения.

Часто усиление этноцентризма в одной национальной группе провоцирует аналогичный процесс в других, как, например, продемонстрировал распад Советского Союза и последующая реакция народов бывших союзных республик.

Снижение межгрупповой враждебности и укрепление позитивных отношений возможно при условии обеспечения равного права голоса и равного статуса для представителей различных групп при принятии решений. Однако, стоит учитывать, что корни этноцентризма, основанные на кровном родстве, часто трудно поддаются радикальному изменению.

Предвзятость к определенной нации может передаваться из поколения в поколение, становясь стимулом для нежелательных поступков и закрепляя сложившееся негативное мнение о другой нации.

Этноцентризм проявляется в неспособности, нежелании или неготовности понимать людей, принадлежащих к другой культурной общности. Несмотря на то, что этноцентризм является механизмом самосохранения народа и поддержания его культурной самобытности, пренебрежение к другим народам приводит к осложнениям в межкультурном взаимодействии [Пашукова 2001].

Среди факторов, способствующих этноцентризму, следует выделить социальную напряженность, которая может варьироваться по степени выраженности и вызывать дискомфорт и тревогу, увеличивая психологическую дистанцию между представителями разных национальностей.

Некоторые этнические конфликты XXI века: дарфурский конфликт – начался в 2003 году из-за межэтнических противоречий в Судане, война в Ираке (2003–2011), война в Афганистане (2001–2014), турецко-курдский конфликт, арабо-израильский конфликт – один из старейших этнополитических конфликтов, который остаётся актуальным по настоящее время.

Необходимо преодолеть «естественное состояние» этноцентризма, особенно в современном мире, где прогресс технологий, включая создание искусственных спутников и межконтинентальных ракет, несёт в себе риск уничтожения планеты в ядерной войне. Представляем список ядерных держав мира на 2025 год и количество ядерных боеголовок (Диаграмма 2): Россия – 5889–5977, США – 5244–5428, Франция – 290–300, Китай – 270–350, Великобритания – 225, Пакистан – 165–170, Индия – 160–164, Израиль – 80–90, КНДР – 10–60

Диаграмма 2
Ядерные державы мира на 2025 год

Какие же детерминанты для усиления этноцентрических тенденций могут быть в России:

- ✓ неравномерное распределение власти между различными этническими сообществами, а также снижение социального положения русских в странах бывшего СССР;
- ✓ завышенные ожидания среди мигрантов.

Перед российским обществом стоит важная задача – интеграция различных групп населения, формирование общероссийской идентичности, объединение этнически и конфессионально разнообразного населения вокруг общих ценностей и целей.

Разумная политика, учитывающая не только интересы собственной этнической группы, но и потребности, традиции и нормы поведения других сообществ, должна стать противовесом обострению межэтнических отношений и национальному экс-

тремизму.

Для снижения этноцентризма, особенно в условиях отсутствия межэтнической напряженности, необходимы просветительские программы, направленные на повышение осведомленности о культуре, верованиях и традициях других этнических общностей.

Важно преодолеть тенденцию оценивать другие народы через призму собственной культуры, развивая новые способы мышления, позволяющие адекватно понимать другие культуры.

Необходимо обучать навыкам эффективного межэтнического взаимодействия, подчеркивая важность диалога и сотрудничества. В современном мире поликультурное образование и специальные программы для средств массовой коммуникации могут помочь расширить мировоззрение аудитории и повысить ее этнокультурную компетентность.

Важно акцентировать внимание не только на различиях, но и на общих чертах, а также изучать историю народов мира наряду с историей своей страны и знакомством с ее традициями.

Формирование толерантности и умения видеть позитивные стороны других культур может стать основой профилактики расовых предрассудков и национальных предубеждений, в сочетании с государственной политикой, направленной на противодействие сегрегации и дискриминации.

Перспективы: исследование релятивизма, концепции, диаметрально противоположной этноцентризму, которая предполагает, что наиболее эффективный путь к пониманию иной культуры – это восприятие её через призму взглядов её носителей, избегая оценок, основанных на предвзятых культурных нормах.

Литература

Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации / Т.Г. Грушевицкая; Под ред. А.П. Садохина [и др.]. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. С. 126–127

Герген К., Герген М.М. Этноцентризм // Психологическая энциклопедия. 2-е изд. / Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. СПб.: Питер, 2006. 1036 с.

Кон И.С. Психология предрассудка // Новый мир. 1966. № 9.

С. 189–190.

Кон И.С. Этноцентризм // *Философский энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 812

Куликова Л.В. Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты. На материале русской и немецкой лингвокультур: Монография. Красноярск: РИО КГПУ, 2004. С. 33–34

Крысько В.Г. Социальная психология: словарь-справочник. Минск: Харвест, М.: АСТ, 2001. 688 с.

Наумкин В.В. The Hizb at-Tahrir al-Islami in Central Asia // *Ислам и мусульмане: культура и политика*. М., 2009. С. 350–425.

Пашукова Т.И. Этноцентризм в межкультурной коммуникации // *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. 2009. №563. С. 50–61.

Пашукова Т.И. Эгоцентризм: феноменология, механизмы формирования и коррекции. Кировоград: Центрально-Украинское изд-во, 2001. 397 с.

Первушин А.И. «Возвышение арийцев» // *Грааль и свастика. Религия нацизма*. М.: Амфора, 2015. 224 с

Стефаненко Т. Этнопсихология. Екатеринбург; М., 2000. С. 237

Триандис Г.С. Культура и социальное поведение: учебное пособие / Пер. с англ. М.: ФОРУМ, 2007. 384 с.

Arjomand S.A. Legitimacy and political organization: caliphs, kings and regimes // *The New Cambridge History of Islam*. Vol. 4: *Islamic Cultures and Societies to the End of the Eighteenth Century* / Ed. By R. Irwin. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 225–273.

Brewer M.B., Campbell D.T. Ethnocentrism and intergroup attitudes: East African evidence. N.Y.: Halsted / Wiley, 1976. 146 p.

Deutsch M. The Resolution of Conflict: Constructive and Destructive Processes. – New Haven: Yale University Press, 1973. 420 p.

Sumner W.G. Folkways. Boston, 1906. 286 p.

МЕТОДИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ

З.В. Вишневецкая (Россия, Москва)

ГЛАГОЛЫ ДВИЖЕНИЯ

Методический комментарий: данный практический материал направлен на закрепление темы «Глаголы движения» в курсе РКИ (начальный уровень).

Разработка адресована преподавателям русского языка как иностранного и нацелена на оптимизацию освоения слушателями данной лексикограмматической темы. Слушатели повторяют глаголы: идти – ходить, ехать – ездить, плавать – плыть, летать – лететь, бегать – бежать.

Основные трудности освоения темы:

- ✓ семантическая дифференциация глаголов движения;
- ✓ корректное употребление винительного и дательного падежей в конструкциях с глаголами движения.

Методологические решения:

1. Поэтапное формирование навыков через систему заданий: от идентификации и дифференциации к продуктивному использованию в речи.
2. Структурированное повторение – как в устной, так и в письменной форме.

Организация учебного процесса:

На занятии: работа с диалоговыми упражнениями, анализ контекстов, отработка падежных конструкций.

Во внеаудиторной работе: закрепление материала через домашнее задание, нацеленное на повторение и систематизацию изученного.

Фрагмент урока

Лексика: метро, поезд, вагон, станция, переход, линия метро, ветка метро, красная ветка, коричневая ветка, кольцевая ветка, машина, такси, автобус, трамвай, троллейбус, речной трамвай, теплоход, самолёт, вертолёт, воздушный шар, Красная площадь, станция метро «Охотный ряд», станция метро «Парк культуры», станция метро «Деловой центр», аэроэкспресс, аэропорт.

Задание 1. Напишите на чём можно ехать, плыть, лететь?

Слова для справок: метро, самолёт, такси, машина, поезд, электричка, самокат, велосипед, вертолёт, теплоход, автобус, речной трамвай, троллейбус, мотоцикл.

ехать	плыть	лететь
на такси		

Задание 2. Восстановите предложения, используя слова в скобках:

1. В воскресенье мой друг (ходил/ был/ плавал) в парк погулять.
2. В субботу мой друг (ходил/ был/ плавал) на стадион.
3. Я каждый день (хожу/ плыву/ лечу/ еду) в университет пешком.
4. Анна сейчас (идёт/ едет/ летит) в аудиторию из деканата.
5. Иван (бежит/ летит) марафон.
6. Ты (идёшь/ летишь) утром на урок?

Задание 3. Прочитайте стихотворение, ответьте на вопрос:

1. *На чём можно плыть, лететь и ехать?*
2. *Выпишите глаголы движения из текста.*

Можно *плыть* на теплоходе,
А *лететь* на самолёте,
И пешком *идти* в походе,
Быть в космическом полёте .

Можно *ехать* по привычке
На такси и на маршрутке,

На метро, на электричке ,
На трамвае, ни минутки
В городе большом свободной ,
Можно *ездить*, как хотите,
При погоде всем удобной,
В парк с друзьями *приходите*!

(текст автора)

Задание 4.1. Составьте диалоги по образцу (предложены две ситуации).

Образец:

- Извините, пожалуйста, скажите, где находится Красная площадь?
- Красная площадь недалеко. Вам надо ехать на метро по красной ветке 15 (пятнадцать) минут. Станция метро «Охотный ряд».
- Сколько стоит билет?
- 83 (восемьдесят три) рубля.
- Спасибо.

Задание 4.2. Работайте в парах.

Ситуация 1. Вам надо встретиться на Красной площади, но Ваш друг ошибся и приехал на станцию метро «Москва-Сити», помогите ему найти дорогу. Поговорите с ним по телефону.

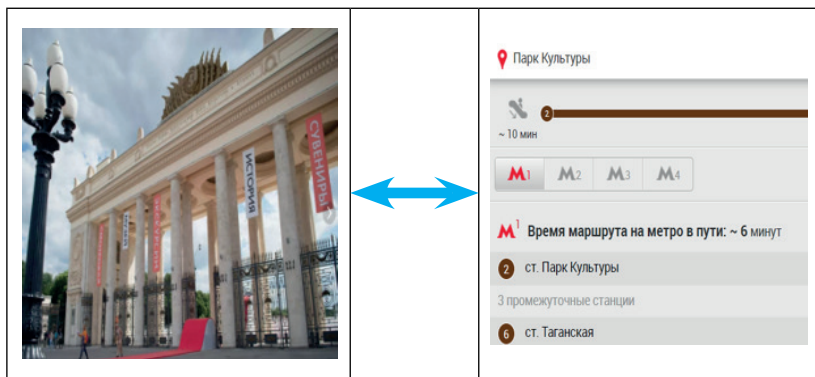
Ситуация 2. Вам надо встретиться на Таганской у театра, но Ваш друг ошибся и приехал на станцию метро «Парк культуры», помогите ему найти дорогу. Поговорите с ним по телефону.

Ситуация 1: «Москва-Сити» – «Красная площадь»

*фото из открытых источников / скрин из приложения Яндекс

Ситуация 2. «Парк Горького» - «Таганская»

*фото из открытых источников / скрин из приложения Яндекс

Задание 5. Интересные факты о Москве.

Прочитайте текст. Ответьте на вопросы.

МЕТРО

В Москве есть все основные **виды транспорта**: удобное метро, большие автобусы, новые трамваи, троллейбусы, теплоходы, речные трамваи, такси.

Москвичи и гости города любят метро в Москве, потому что метро очень удобный вид транспорта. В метро безопасно и красиво.

В московском метро 15 линий. **Линии в метро** разного цвета. Например, Арбатско-Покровская обозначена **синим**, Таганско-Краснопресненская – **фиолетовым**, а Замоскворецкая – **зелёным**.

В метро 275 станций, но это число постоянно меняется. Иногда станции закрывают на ремонт. Метро постоянно строят.

Московское метро работает каждый день с 05:30 утра до 01:00 ночи. Для входа станции закрываются в 01:00, но продолжают работать на выход. Последние поезда уходят в 01:30 - 01:35.

В праздничные дни московское метро работает по другому расписанию. На Новый год и Рождество метро работает бесплатно все 24 часа. Поездка в метро стоит 83 рубля, если оплачивать картой банка. Поездка в метро стоит 75 рублей, если вы платите картой «Тройка».

Интервал между поездами в час пик 1 минута 30 секунд. В обычное время интервал между поездами 2 минуты 30 секунд.

Станции в метро очень красивые. Например, станция «Маяковская». В 1939 году проект станции получил Гран-при на международной выставке в Нью-Йорке, а в конце двадцатого века (XX в.) получил статус памятника архитектуры.

А какое метро в Вашей стране?

Вопросы:

Какие виды транспорта есть в Москве?

Сколько линий в московском метро?

Сколько станций в московском метро?

Какая станция метро очень красивая?

Сколько необходимо ждать поезд в метро?

Вам нравится/ не нравится московское метро и почему?

Задание 6. Напишите письмо родителям по электронной почте на тему «Как я провёл выходные в Москве?».

Используйте в своём письменном сообщении все возможные глаголы движения. Объём - 70 слов.

Захарова М.В., Волкова Е.Р. (Россия, Москва)

ПРОГРАММА
курса внеурочной деятельности
«Флора в русской культуре: язык в отражении времени»

Данный курс представляет собой междисциплинарную образовательную программу внеурочной деятельности, интегрирующую русский язык, литературу и психолингвистику.

Рабочая программа курса внеурочной деятельности «Флора в русской культуре: язык в отражении времени» для среднего общего образования (далее – Программа) составлена на основе:

- ✓ Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»;
- ✓ Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»;
- ✓ Федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования (ФГОС СОО), утвержденного приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 мая 2012 г. № 413;
- ✓ Федеральной образовательной программы среднего общего образования (ФОП СОО), утвержденной приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 371.

Программа ориентирована на углубленное изучение русской языковой картины мира с помощью анализа того, как растения становятся культурными кодами в нашем языке и инструментами художественной выразительности в литературе; на развитие социально-значимых компетенций учащихся через проектную деятельность. Также Программа направлена на формирование метапредметных навыков: исследовательских (работа с текстами, полевые исследования, работа с сознанием современных носителей русского языка), коммуникативных (публичное выступление, общение со сверстниками и другими носителями

русского языка для сбора данных), развитие критического мышления (анализ стереотипов восприятия флоры, рефлексия над связью «язык – сознание – природа» и т.д.).

Программа отвечает запросам современного образования, что подтверждается соответствием государственным приоритетам, подчеркивая стратегию научно-технологического развития РФ; а также научно-методической значимостью и практической востребованностью. Программа актуальна как инструмент реализации ФГОС, ресурс духовно-нравственного воспитания, платформа для междисциплинарных исследований.

Целью программы является формирование у учащихся представлений о роли растений (деревьев и цветов) в русской языковой картине мира и их символическом значении в литературе XVII–XX веков через исследовательскую и творческую деятельность.

Задачи программы:

1. Познакомить учащихся с культурной коннотацией цветов и деревьев; учить сопоставлять реальные растения и их художественными образами.
2. Развивать навыки анализа текста, сопоставления реально-го и метафорического образов.
3. Формировать исследовательские навыки у учащихся: наблюдение за природой и языком, сравнение, сбор и обработка данных, интерпретация результатов.
4. Воспитывать эстетическое восприятие природы через язык и литературу.

Программа рассчитана на 30 (тридцать) академических часов в течение одного учебного года. Программа реализуется в виде курса внеурочной деятельности и предназначена для проведения занятий с обучающимися в 5–9, 10–11 классах с разными интересами и базовым уровнем подготовки. Направленность – социально-гуманитарная. Школа по своему выбору может проводить программу во всех параллелях или в одной из параллелей основного общего или среднего общего образования. Занятия проводятся 1 раз в неделю в объеме двух академических часов (90 минут). Программу рекомендуется проводить в период с сентября по май.

Формы организации деятельности учащихся:

- ✓ фронтальная (аудиторное занятие): работа преподавателя со всеми учащимися одновременно (беседа, показ, объяснение и т.п.);
- ✓ групповая: организация работы (совместные действия, общение, взаимопомощь) в малых группах, в т.ч. в парах, для выполнения определенных задач; задание выполняется таким образом, чтобы был виден вклад каждого учащегося (группы могут выполнять одинаковые или разные задания, состав группы может меняться в зависимости от цели деятельности);
- ✓ самостоятельная;
- ✓ индивидуальная.

ПЛАНИРУЕМЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ОСВОЕНИЯ ПРОГРАММЫ

Личностные:

- ✓ осознание ценности природы как части культуры;
- ✓ развитие эмоционального интеллекта через взаимодействие с художественными образами природы;
- ✓ проявление уважения к культурным традициям через изучение локальных флористических образов.

Предметные:

- ✓ получение знаний о растениях-символах в русской литературе
- ✓ проведение полевых исследований флоры в местном районе, фиксация результатов
- ✓ анализ особенностей восприятия флоры носителями русского языка

Метапредметные:

- ✓ анализ изучаемых объектов с целью выделения их признаков;
- ✓ планирование этапов исследовательской и проектной деятельности;
- ✓ корректировка работы на основе экспертной оценки и самоанализа;
- ✓ представление результатов исследований в различных форматах.

Учащиеся приобретут:

Знания:

- ✓ о связи литературы, языка и психолингвистики;
- ✓ о культурных кодах, концептах и концептуальных полях, особенностях русской языковой картины мира;
- ✓ о методах полевых исследований и работе с лингвистическими корпусами; о способах и инструментах для проведения собственного исследования.

Умения:

- ✓ анализировать тексты разных типов;
- ✓ проводить опросы и интерпретировать их результаты;
- ✓ создавать презентации и адаптировать сложные идеи для аудитории.

Навыки:

- ✓ критического мышления (например, различать «язык войны» в экологических терминах).
- ✓ командной работы и публичных выступлений.

Оценка прогресса осуществляется с помощью текущего, промежуточного и итогового контроля (диагностика приобретенных знаний, умений и навыков обучающихся, применение их на практике, публичные выступления с презентациями, беседа, устный опрос, эссе, итоговая конференция, круглый стол).

КАЛЕНДАРНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН

№ п/п	Название раздела/темы	Дата	Количество часов			Формы аттестации/ контроля
			всего	теория	практика	
Блок 1. Растительные символы: от слова к образу.						
1.	Язык природы: как флора становится частью культуры.		2	2	0	Текущий контроль
2.	Полевые исследования: наши деревья.		2	0	2	Текущий контроль

Homo dicens: человек, действующий с помощью слова

3.	Деревья в родной речи.		2	1	1	Текущий контроль
4.	Полевые исследования: наши цветы.		2	1	1	Текущий контроль
5.	Цветы в родной речи.		2	1	1	Текущий контроль
6.	Как узнать, что думают другие?		2	2	0	Текущий контроль
7.	Прогулка по ботаническому саду.		2	0	2	Текущий контроль
8.	Язык и реальность. О наблюдениях.		2	1	1	Промежуточный контроль
Блок 2. Литературная флористика: букет образов.						
9.	Полевые исследования. Знакомая фауна в новом наряде. Цветы.		2	0	2	Текущий контроль
10.	Дуб в литературе: могущество или одиночество?		2	1	1	Текущий контроль
11.	Сирень в литературе: образ, деталь или символ?		2	1	1	Текущий контроль
12.	Береза и ива: новые смыслы.		2	1	1	Текущий контроль
13.	Розы и ромашки: разница восприятия.		2	1	1	Текущий контроль
14.	Где искать флору? Новый взгляд. Полевые исследования.		2	0	2	Текущий контроль
15.	Как рождается образ?		2	1	1	Промежуточный контроль, эссе
16.	Полевые исследования. Знакомая фауна в новом наряде. Деревья.		2	0	2	Текущий контроль
17.	Движение образа во времени.		2	0	2	Промежуточная презентация
18.	Растения-хамелеоны: одно обозначаемое и несколько взглядов.		2	2	0	Текущий контроль
Блок 3. Диалог будущего: язык и люди.						
19.	Полевые исследования. Растения в «городском фольклоре».		2	0	2	Текущий контроль

Homo dicens: человек, действующий с помощью слова

20.	Фитонимы в сленге.		2	2	0	Текущий контроль
21.	На поиск ответов. Где прячется интересное и неочевидное?		2	1	1	Текущий контроль
22.	Представление результатов мини-исследования «растения в цифрах».		2	0	2	Промежуточный контроль
23.	Полевые исследования. Как городские и сельские жители воспринимают растения? Интервью.		2	0	2	Текущий контроль
24.	Представление результатов интервью.		2	0	2	Промежуточный контроль
25.	Как язык влияет на отношение людей к природе?		2	2	0	Текущий контроль
Блок 4. Границы смыслов и осмыслений.						
26.	Подготовка к собственному исследованию.		2	1	1	Текущий контроль
27.	Повторение: от изученного к изучаемому.		2	1	1	Фронтальный опрос
28.	Консультация перед конференцией. Как представить результаты интересно?		2	2	0	
29.	Представление результатов итогового исследования.		2	0	2	Итоговый контроль. Конференция
30.	Представление результатов итогового исследования.		2	0	2	
Итого			60	24	36	

СОДЕРЖАНИЕ КУРСА

Блок 1. Растительные символы: от слова к образу.

Занятие 1. Язык природы: как флора становится частью культуры.

Разговор о языковой картине мира, концепте и концептуальном поле вообще и на примере флоры в русском языковом сознании.

Занятие 2. Полевые исследования: наши деревья.

Путешествие по ближайшим окрестностям: учащиеся анализируют, какие деревья их окружают, после чего пытаются описать

какое-то из них. Далее делятся своими описаниями, обсуждают их и анализируют с помощью учителя.

Занятие 3. Деревья в родной речи.

Разговор о деревьях, встречающихся в фольклоре: пословицы, поговорки, сказки. Анализ слов и словосочетаний «ветвистый», «дремучий», «как осиновый лист» и др. Разговор о фразеологизмах.

Занятие 4. Полевые исследования: наши цветы.

Путешествие по ближайшим окрестностям: учащиеся анализируют, какие цветы их окружают, после чего пытаются описать какие-то из них. Далее делятся своими описаниями, обсуждают их и анализируют с помощью учителя.

Занятие 5. Цветы в родной речи.

Разговор о цветах, встречающихся в фольклоре: пословицы, поговорки, сказки. Анализ слов «душистый», «полевой» и др. Разговор о фразеологизмах.

Занятие 6. Как узнать, что думают другие?

Учащиеся узнают про национальный корпус русского языка, о том, как с ним работать.

Занятие 7. Прогулка по ботаническому саду.

Путешествие по ботаническому саду: наблюдение и описание растений, опрос посетителей ботанического сада – какие цветы им здесь нравятся, какие из них встречаются в повседневной жизни и здесь.

Занятие 8. Язык и реальность. О наблюдениях.

Учащиеся представляют презентации, подготовленные по результатам предыдущего занятия. Представление презентаций проходит в формате круглого стола: после каждого выступления другие учащиеся и учитель могут задавать вопросы; предусмотрено несколько минут для обсуждения каждого доклада.

Блок 2. Литературная флористика: букет образов.

Занятие 9. Полевые исследования. Знакомая фауна в новом наряде. Цветы.

Путешествие по ближайшим окрестностям, разговор о том, как меняются цветы со сменой времени года. Наблюдение

и описание растений, обсуждение полученных результатов.

Занятие 10. Дуб в литературе: могущество или одиночество?

Анализ дуба как образа в литературе на примере отрывка из романа Л.Н. Толстого «Война и мир», стихотворения Н.А. Заболоцкого «Одиноким дуб».

Занятие 11. Сирень в литературе: образ, деталь или символ?

Анализ сирени в литературе на примере стихотворений А.А. Блока «Запевающий сон, зацветающий цвет...», С.Я. Маршака «Счастье», Н.С. Гумилева «Из букета целого сиреней...».

Занятие 12. Береза и ива: новые смыслы.

Почему береза – «русское» дерево, а ива – символ грусти? Разговор об особенностях изображения березы и ивы в русской литературе.

Занятие 13. Розы и ромашки: разница восприятия.

Букет роз и венок из ромашек – почему не наоборот? Разговор об особенностях изображения розы и ромашки в русской литературе.

Занятие 14. Где искать флору? Новый взгляд. Полевые исследования.

Путешествие по окрестностям в попытках найти и описать флору. Разговор с жителями города: как меняются, по их мнению, деревья и цветы с приходом зимы, как часто зимой люди обращают внимание на природу, на что именно.

Занятие 15. Как рождается образ?

Разговор о том, что такое образ, чем он отличается от символа и художественной детали; обсуждение «классических» известных образов-растений в русской литературе. В конце занятия учащиеся пишут эссе: «Как рождается образ?»

Занятие 16. Полевые исследования. Знакомая фауна в новом наряде. Деревья.

Путешествие по ближайшим окрестностям, разговор о том, как меняются деревья со сменой времени года. Наблюдение

и описание деревьев, обсуждение получившихся результатов.

Занятие 17. Движение образа во времени.

Представление результатов по полевым исследованиям: каждый учащийся выбирает одно или несколько растений и рассказывает о том, как они описываются в литературе в зимний период и что о них говорят современные жители мегаполиса.

Занятие 18. Растения-хамелеоны: одно обозначаемое и несколько взглядов.

Учитель рассказывает учащимся об особенностях восприятия разными носителями русского языка одних и тех же объектов действительности (языковая картина мира, концепт и концептуальное поле, лексема-ключ).

Блок 3. Диалог будущего: язык и люди.

Занятие 19. Полевые исследования. Растения в «городском фольклоре».

Поиск вывесок, названий магазинов, салонов, фирм в городе с фрагментами названий деревьев и растений. Сбор данных, анализ.

Занятие 20. Фитонимы в лексике русского языка.

Учащиеся узнают о том, что такое фитонимы; разговор о фитонимической лексике во фразеологических оборотах, неделимых словосочетаниях с фитонимами (*волков бояться – в лес не ходить, запутаться в трех соснах, темный лес, смотреть в корень* и т.д.).

Занятие 21. На поиск ответов. Где прячется интересное и неочевидное?

Учащиеся делятся на группы: исследователей, интервьюеров, ученых.

Первая группа изучает растения в округе. Наблюдает за тем, как они меняются. В дальнейшем учащиеся данной группы будут сопоставлять реальную, зафиксированную и описанную ими весеннюю картину растений с образами весенних растений в литературе.

Вторая группа опрашивает людей на улице: о каких цветах и деревьях они думают и говорят больше всего (вообще и весной), в каком ключе.

Третья группа отбирает растения для анализа: позже учащиеся данной группы будут работать с национальным корпусом русского языка.

Занятие 22. Представление результатов мини-исследования «растения в цифрах».

Представление результатов по полевым исследованиям: презентации с таблицами, графиками, диаграммами.

Занятие 23. Полевые исследования. Как городские и сельские жители воспринимают растения? Интервью.

Выезд на окраину города. Разговор с носителями русского языка.

Занятие 24. Представление результатов интервью.

Представление результатов интервью, полученных в ходе полевых исследований.

Занятие 25. Как язык влияет на отношение людей к природе?

Разговор о том, как слова, метафоры и культурные стереотипы формируют наше восприятие природы (*покорение природы/ взаимодействие с природой*; что подразумевается под фразами *благоустройство территории, новый микрорайон в гармонии с природой* и т.д.)

Блок 4. Границы смыслов и осмыслений.

Занятие 26. Подготовка к собственному исследованию.

Разговор о структуре исследования. Выбор темы исследования и составление плана работы.

Занятие 27. Повторение: от изученного к изучаемому.

Обобщение и систематизация знаний по программе для дальнейшего применения их в исследованиях.

Занятие 28. Консультация перед конференцией. Как представить результаты интересно?

Разговор о том, что и как можно и нужно выводить на слайды; практикум «превращая сложное в простое» – адаптация разных стилей текста под конкретную аудиторию.

Занятия 29–30. Представление результатов итогового исследования.

Итоговая конференция: предполагает выступление с докла-

дом, в котором представлены ранее не исследованные материалы, обсуждение докладов.

МЕТОДЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Методы:

Исследовательские:

полевые исследования (наблюдение за цветами и деревьями в окружающей среде, опросы жителей ближайшего района и других современных носителей русского языка);

работа с Национальным корпусом русского языка;
анализ литературных текстов и городского «фольклора».

Проектные:

создание презентаций, инфографики, написание эссе;
подготовка мини-исследований (например, «Растения в городском фольклоре»).

Игровые:

ролевые игры (например, «Исследователи, ученые и интервьюеры»);

викторины по фразеологизмам и фитонимам.

Дискуссионные:

круглые столы после презентаций.

дебаты («Язык формирует реальность: да или нет?»).

Творческие:

написание эссе («Как рождается образ?»).

Цифровые инструменты:

Google Forms для создания опросов и сборов данных;

PowerPoint для создания презентаций;

WordArt или Mentimeter для визуализации данных;

Word для набора текста речи для выступления на итоговой конференции.

Литература

Книги и монографии:

1. Аникин В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки. М.: Учпедгиз, 1957. 320 с.

2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

3. *Ахматова А.А.* Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1976. 480 с.
4. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
5. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
6. *Березович Е.Л.* Язык и традиционная культура. М.: Индрик, 2007. 600 с.
7. *Березович Е.Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. М.: Языки славянской культуры, 2016. 784 с.
8. *Блок А.А.* Стихотворения. М.: Художественная литература, 1988. 560 с.
9. *Богданов В.В.* Текст и коммуникация. М.: Высшая школа, 1990. 176 с.
10. *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А. Д. Шмелёва. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
11. *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 408 с.
12. *Власова М.Н.* Русские суеверия: Энциклопедический словарь. СПб.: Азбука, 2000. 672 с.
13. *Воркачев С.Г.* Лингвокультурология, языковая личность, концепт. Волгоград: Перемена, 2001. 260 с.
14. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.
15. *Гаспаров Б.М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Нов. Лит. Обзорение, 1996. 352 с.
16. *Гаспаров М.Л.* Избранные статьи. М.: Новое литературное обозрение, 1995. 480 с.
17. *Головкин Б.Н.* О чем говорят названия растений. М.: Колос, 1992. 192 с.
18. *Городская фольклористика: Сб. статей / Сост. А.Ф. Белоусов.* СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 320 с.
19. *Гумилев Н.С.* Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1988. 640 с.
20. *Даль В.И.* Пословицы русского народа. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 616 с.

21. *Есенин С.А.* Собрание сочинений. В 5 т. М.: Художественная литература, 1961–1962. Т. 1. 480 с.
22. *Жуков В.П.* Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 2000. 544 с.
23. *Заболоцкий Н.А.* Стихотворения. М.: Художественная литература, 1987. 320 с.
24. *Захаров В.П.* Корпусная лингвистика. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. 192 с.
25. *Захарова М.В.* Вода добрая и злая... (ценностные аспекты концептуального поля «вода» в сознании носителей современного русского языка // Символика воды в русской словесности и мировой культуре: Коллективная монография. М.: Книгодел, 2022. С. 418–433.
26. *Захарова М.В.* Животное VS зверь в сознании носителей современного русского языка // Жизнь животных в зеркальных отражениях: литература – культура – язык. Коллективная монография. М.: Книгодел, 2023. С. 413–434.
27. *Захарова М.В.* Концептуальное поле «времена года» в русском языковом сознании // Семантика времен года в русской словесности: Коллективная монография. М.: Книгодел, 2021. С. 370–385.
28. *Захарова М.В.* Концептуальное поле «цветы» в сознании носителей современного русского языка // «Язык цветов» и цветы в языке, литературе и культуре. Коллективная монография. М.: Зерцало-М, 2024. С. 233–254.
29. *Захарова М.В.* Особенности восприятия концептуального поля «насекомые» носителями современного русского языка // Мир насекомых в пространстве литературы, культуры и языка. Коллективная монография. М.: Книгодел, 2020. С. 274–286.
30. *Зимин В.И.* Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М.: АСТ-ПРЕСС, 2011. 736 с.
31. Иллюстрированный определитель растений Средней России. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2002. 526 с.
32. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
33. *Киселева К.В.* Цветы в легендах и преданиях. М.: Белый город, 2009. 304 с.

34. Красная книга Московской области. М.: Аргус, 1998. 560 с.
35. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
36. *Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 288 с.
37. *Лотман Ю.М.* Анализ поэтического текста. Л.: Просвещение, 1972. 272 с.
38. *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
39. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
40. *Лурье М.Л.* Городская фольклористика: методология и практика. М.: РГГУ, 2014. 320 с.
41. *Маевский П.Ф.* Флора средней полосы европейской части России. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006. 600 с.
42. *Мандельштам О.Э.* Собрание сочинений. В 4 т. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993-1997. Т. 1. 368 с.
43. *Маршак С.Я.* Собрание сочинений. В 8 т. М.: Художественная литература, 1968-1972. Т. 1. 480 с.
44. *Мокиенко В.М.* Образы русской речи. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. 704 с.
45. *Наследов А.Д.* Математические методы психологического исследования. СПб.: Речь, 2004. 392 с.
46. Национальный корпус русского языка: 2003-2005 / Отв. ред. В.А. Плунгян. М.: Индрик, 2005. 192 с.
47. *Пастернак Б.Л.* Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1965. 496 с.
48. *Петров В.В.* Мир лесных растений. М.: Наука, 1978. 168 с.
49. *Петров В.В.* Рассказы о лесных растениях. М.: Наука, 1978. 160 с.
50. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Семантико-когнитивный анализ языка. 2-е изд., доп. и перераб. Воронеж: Истоки, 2007. 250 с.
51. *Потебня А.А.* Теоретическая поэтика. М.: Высшая школа, 1990. 344 с.
52. Словарь образных выражений русского языка / под ред. В.Н. Телия. М.: Отечество, 1995. 368 с.

53. *Степанов Ю.С.* Константы: словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. 992 с.
54. *Телия В.Н.* Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
55. *Толстой Л.Н.* Война и мир. М.: Художественная литература, 1983. Т. 1. 480 с.
56. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 т. М.: Прогресс, 1964–1973. Т. 1. 562 с.
57. *Фет А.А.* Стихотворения. М.: Художественная литература, 1986. 400 с.
58. Флора СССР. В 30 т. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1934–1964. Т. 1. 302 с.
59. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. М.: Русский язык, 1986. 544 с.
60. *Хазагеров Г.Г.* Риторика для делового человека. М.: Флинта, 2001. 136 с.
61. *Цветаева М.И.* Собрание сочинений. В 7 т. М.: Эллис Лак, 1994–1995. Т. 1. 480 с.
62. *Ядов В.А.* Стратегия социологического исследования. М.: Омега-Л, 2007. 567 с.

Электронные ресурсы

1. База данных «Флора России» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.plantarium.ru/page/flora.html> (дата обращения: 01.02.2026).
2. Библиотека русской литературы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rvb.ru> (дата обращения: 01.02.2026).
3. *Гончарова Н.Н.* Языковая картина мира как объект лингвистического описания. Тула, 2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-kartina-mira-kak-obekt-lingvisticheskogo-opisaniya> (дата обращения: 01.02.2026).
4. Деревья и кустарники СССР [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ecosystema.ru> (дата обращения: 01.02.2026).
5. Красная книга России [Электронный ресурс]. URL: <https://redbookrf.ru> (дата обращения: 01.02.2026).
6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 01.02.2026).

7. Официальный сайт Главного ботанического сада РАН [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gbsad.ru> (дата обращения: 01.02.2026).

8. Плантариум: определитель растений [Электронный ресурс]. URL: <https://www.plantarium.ru> (дата обращения: 01.02.2026).

9. Учебник по работе с НКРЯ [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/school.html> (дата обращения: 01.02.2026).

10. Фольклорный архив РГГУ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.folk.ru> (дата обращения: 01.02.2026).

11. ФЭБ: Русская литература и фольклор [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru> (дата обращения: 01.02.2026).

12. Электронная библиотека «Теоретическая поэтика» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philology.ru> (дата обращения: 01.02.2026).

13. Электронный атлас растений [Электронный ресурс]. URL: <http://www.plantarium.ru> (дата обращения: 01.02.2026).

14. Электронный словарь Фасмера [Электронный ресурс]. URL: <https://vasmer.lexicography.online> (дата обращения: 01.02.2026).

15. Энциклопедия «Жизнь растений» [Электронный ресурс]. URL: <http://plant.geoman.ru> (дата обращения: 01.02.2026).

16. Энциклопедия «Кругосвет» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.krugosvet.ru> (дата обращения: 01.02.2026).

17. Энциклопедия садовых растений [Электронный ресурс]. URL: <https://flower.onego.ru> (дата обращения: 01.02.2026).

18. Энциклопедия символов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.symbolarium.ru> (дата обращения: 01.02.2026).

19. Этимологический словарь славянских языков [Электронный ресурс]. URL: <http://iling-ran.ru> (дата обращения: 01.02.2026).

Материалы и технические средства

- канцелярия, рабочие тетради и раздаточные материалы;
- отрывки из художественных текстов;
- тематические словари (толковый, этимологический, фразеологический);
- компьютер с доступом в интернет, проектор, экран; принтер.

ЗАМЕТКИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ

Хади Бак (Турция, Эрзурум – Россия, Москва)

ЗАМЕТКИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ РКИ-ТУРКА

Случай первый. «Почему у вас нет слова?».

Когда я только начинал изучать русский язык в Кайсери, меня поразило одно обстоятельство. В турецком языке есть слово *yakın* – оно означает и «близкий» (по расстоянию), и «близкий» (по отношению). Родственник, сосед, друг – всё это «*yakın*». А в русском языке этих слов целых три: «близкий», «родной», «свой». И ещё «ближний» – для расстояния. Я спросил учительницу, которая приехала нам преподавать из Татарстана: «Как вы живёте без одного слова?». Она посмотрела на меня с сочувствием, как на человека, который ещё не понял главного. «А как вы живёте, – ответила она, – с одним словом на всё?» Тогда я обиделся. Сейчас я понимаю, что оба вопроса были верны.

Случай второй. «Сколько времени?».

Когда учился в Карсе спросил преподавателя русского языка: – Учитель, почему в русском языке «сколько времени?» – это и «который час?», и «как долго»? Он объясняет мне контекстом. Я, качая головой: – Но это же разные вещи! Время как точка и время как линия!

Я вспоминаю, как мучился с русским видом глагола. Как долго я не мог понять, почему «я читал» и «я прочитал» – это разные вселенные. И вдруг осознаю: мы, турки, живём в языке, где время

более текучее, менее разграниченное. А русский язык – это язык границ, завершённости, чётких линий на снегу. – Ты прав, – сказал мне преподаватель. – Это разные вещи. Но в русском языке они иногда живут в одной фразе. И ты должен научиться слышать, какая из них имеется в виду. – Это сложно. – Это не сложно. Это... по-русски.

Случай третий. «Почему вы не плачете?».

Преподаю русский в Карсе турецким студентам. Разбираем рассказ Чехова. Студент читает вслух про то, как герой прощается с жизнью, и его голос ровный, как стол. Я спрашиваю:

– Ты понял, что здесь происходит?

– Понял. Он умирает.

– И как ты к этому относишься?

– Ну... грустно.

– А почему голос героя не грустный?

Он пожимает плечами. Потом говорит:

– Учитель, в турецком языке, когда мы читаем такое, мы... ну... мы говорим это по-другому. Мы говорим вслух, что это грустно. А у русских, это грустно, но так, будто это не грустно. Или наоборот. Я не понимаю, где грусть у русских.

Я подумал и понял, что он прав. В турецкой культуре горе часто выносится наружу, озвучивается, обрамляется. А в русской – оно часто сидит в паузах, в том, что не сказано, в интонации, которая притворяется ровной. Я объяснил это студенту. Он кивнул, но я вижу, что он всё ещё не верит, что можно так жить – хранить грусть внутри и называть это сдержанностью.

Случай четвертый. Чай.

В Турции чай подают в маленьких стаканчиках, и его пьют часто, по десять раз на день. В России чай – в больших кружках, и его пьют реже, но «основательно». Когда я приехал в Россию, меня угостили чаем. Я допил свой огромный стакан, но показал свой маленький стаканчик (я принёс свой, привычка). Хозяйка смотрела на меня с удивлением: – Это для чего? Для чая? – Да. Она снова с удивлением: – Вы так мало пьёте!? Я не нашелся, что ответить....

Сейчас на квартире, в Москве, я пью из кружки. Но с друзьями, в турецком ресторане, всегда пью чай из маленьких стаканчиков,

как будто это секретный ритуал, связывающий меня с домом.

Случай пятый. Последний.

Живу в России уже пять лет. Преподаю и турецкий, и русский. Иногда ловлю себя на том, что думаю на смеси языков. Иногда говорю по-русски с турецкой интонацией, и русские друзья спрашивают: «Ты что, сердишься?» – потому что турецкая интонация вопроса звучит для них как упрёк.

Иногда говорю по-турецки с русской интонацией, и родственники спрашивают по телефону: «Ты что, болен? Ты такой спокойный».

Я не болен. Я просто живу в двух языках, и они живут во мне – не всегда мирно, не всегда понятно друг другу, но уже неразлучно.

Вчера на уроке русского турецкий студент спросил:

– Учитель, а вы больше турок или уже русский?

Я хотел ответить «и тот, и другой», но вместо этого сказал:

– Я другой.

– Какой другой?

– Я говорю на языке, которого нет. Но на котором я думаю, когда не могу уснуть.

Студент посмотрел на меня, как тогда моя преподавательница русского языка в Карсе – с сочувствием. Но я не обиделся. Потому что в этом сочувствии было и понимание, и что-то от того самого «другого», что есть у каждого, кто когда-либо пытался объяснить одному миру другой мир, не имея для этого слов, но имея для этого целую жизнь.

2021–2026

З.В. Вишинецкая (Россия, Москва)

ЗАПИСКИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ РКИ

Профессия преподавателя РКИ воплотила все мои детские мечты. В профессии я иногда ощущаю себя странником, путешествующим по миру, журналистом, который должен говорить правду и только правду во имя чистоты слова, психологом, исследователем. Иногда мне кажется, что нет такой профессии, которая бы не сочеталась в преподавателе русского языка как иностранного, такого своего рода переводчика русского культурного кода для своих слушателей. Но чем преподаватель моложе во всех смыслах, тем интереснее и ярче воспоминания. Так и вышло со мной в 2014 году. Я работала в МГЛУ ЕАЛИ в городе Иркутске, училась в аспирантуре по направлению «Методика преподавания РКИ», а также преподавала на бакалавриате и в летней языковой школе. Моментов интересных было много, но я поделюсь самыми для меня на тот момент яркими. Вспоминаются ситуации, где студенты были старше меня, в основном, коллеги, или люди иных профессий, которые решили посетить озеро Байкал и совместить это путешествие с изучением языка.

Первый случай. Господин Мартин Р*** был преподавателем иностранного языка в Швейцарии, приехал в город Иркутск с лингво-культурологической целью: повысить уровень владения русским языком и посетить музеи и театры. Он знал русский язык с детства, выучил его еще в 80-ые годы в Праге, его родина – Чехия. В юности Мартин уже приезжал в Сибирь посетить озеро Байкал, поэтому ему было интересно еще раз увидеть этот край, спустя годы. Однажды г-н Р*** входит в аудиторию и громко вскрикивает: «Зофья, они говорящие!» Моргнув от неожиданности, я переспрашиваю: «Кто? Уточните, пожалуйста.» Г-н Р*** начинает мне подробно рассказывать о том, что в прошлом (в советском путешествии) ему не улыбался продавец на кассе, не предлагал пакет и (более того!) не желал прекрасного дня! Мартин

еще минут двадцать говорил о том, как всё изменилось в России, сами изменения ему показались положительными, даже обрадовали его. Прокомментировать из жизненного опыта ту ситуацию я ему детально не смогла, потому что родилась в 1986 году, но все же могу предположить, что культурный код в настоящее время претерпел изменения, в том числе из-за глобализации культуры в мире.

Второй случай. Взрослый корейский бизнесмен опаздывает на урок и не может собраться с мыслями после опоздания. В результате в конце урока Пак С*** говорит, что благодарен данному опыту в России, потому что ему было тяжелее всего на свете опоздать, но так как он не мог влиять на ситуацию и оказался в ней, хотя всё предусмотрел и вышел из дома заранее, то преодолел эту грань и больше не готов осуждать тех, кто опаздывает, так как, наконец-то понял, что такое возможно. Он опоздал впервые за пятьдесят лет своей жизни.

Третий случай. Китайский студент не мог установить контакт с комендантом общежития, так как комендант (по его мнению) был агрессивно настроен, хотя студент говорил достаточно хорошо. Стали выяснять, что произошло. Оказалось, что Ван И*** пытался жаловаться на излишнюю влажность в своей комнате, но в его исполнении фраза «эта влага» звучала как «эта врага, вражный климат в комнате». Мы выяснили, что «врагов» в его комнате нет, кроме интерференции. Когда всё выяснилось, комендант и студент стали общаться и шутить друг с другом.

Четвёртый случай. Китайская группа весной приезжает по обмену в Россию. Языковой барьер достаточно серьезный. Накануне 9 мая я вхожу в аудиторию. На моем столе лежат две темно-красных гвоздики. Поднимается 20 китайских студентов и произносит хором: «С 9 мая, учитель!». В моих руках две гвоздики, я замерла на несколько секунд в культурном шоке. Такого я даже вообразить не могла. Гвоздики – цветы хорошие, но две и красные... Зато урок о праздниках, традициях и подарках в России был проведен практически сразу.

Случаев гораздо больше, но это самые яркие, которые останутся в памяти о моих первых шагах в профессии.

Ю.А. Азова (Бельгия, Тюрнхаут)

МЁЙХТЕН ЙЕ РУССИС ПАРЛЕ? ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ ГОРЫНЫЧ В БЕЛЬГИИ

Чтобы обрисовать мой пока короткий, зато насыщенный и замысловатый педагогический путь в Бельгии в направлении «РКИ», использую цитату из несколько маргинального, но яркого анекдота: «Я сварщик-то не настоящий. А маску я на стройке нашел». (Кто знает, тот поймет).

Вы не подумайте, я не лже-учитель. Но до последнего момента светоч русского языка я распространяла среди иностранного электората другими способами: в публицистике, через редактирование книг и обучение моих импортного супруга и полуимпортного ребенка. И, когда мои первые педагогические эксперименты над живыми людьми (дошкольного возраста, главным образом) показали какой-никакой результат, пришли дерзость и кураж русифицировать как можно больше бельгийцев.

Были ли предпосылки (помимо беззаветной преданности российской словесности)? Конечно. По крайней мере, мне так подсказал мой внутренний маркетолог. Рынок для РКИ в Бельгии имеется. (Простите, что выражаюсь коммерческим языком. Но преподавание – это тяжкий труд, а такой (как и любой другой) должен быть оплачен).

Где потенциально бельгийцам мог бы понадобиться русский язык и для чего, в самом-то центре Евросоюза?

- ✓ Ну, несмотря на временную «отмену русского», представительства в политико-экономико-культурно-дипломатических и прочих таких кругах никто не отменял. И такие учреждения и организации регулярно проводят для своих сотрудников обучение и повышение квалификации. Все серьезно, официально, с почтением и уважением к стандартам, сертификационным уровням и подтверждающим документам.
- ✓ Бизнес и совместные предприятия (хоть и втихаря,

из-под полы) тоже почти никуда не делись. По крайней мере, в логистике, энергетике, некоторых сферах производства и т. п. Здесь тоже регулярно, с фонарями, ищут преподавателей РКИ для проведения тренингов для локальных сотрудников (чтобы те были в состоянии коммуницировать с российскими коллегами и партнерами). Разумеется, нужны все те же штампы-подписи-сертификаты-уровни.

- ✓ Государственно-муниципально-социально-административные структуры (полиция, армия, больницы, социальные службы, центры интеграции) высоко ценят и финансово поощряют в своих сотрудниках всякие «экстра скилс». К таким относятся и знание иностранных языков (помимо тех, что «работают» в стране и так (но о них – через пару абзацев)). Сотрудникам предоставляют возможность новыми знаниями овладеть. Либо предлагают найти варианты за пределами структуры. Разумеется, чтобы получить компенсации и бонусы за дополнительные навыки, надо предоставить документальное подтверждение получению этих самых навыков.

Три перечисленных блока – те области востребованности уроков РКИ, которые сопоставимы по требованиям в процессе обучения и энтузиазму обучаемых с теми, что были бы на территории РФ. Там педагог получает группу условно и фактически взрослых людей (студентов, трудовых мигрантов, контрактников), для которых изучение русского языка – жизненная необходимость.

Бельгийские ученики из первых трех «блоков востребованности», погружаясь в волшебный мир РКИ, имеют примерно такую же мотивацию и надеются на примерно те же выгоды. С той только разницей, что у них на кону стоит не получение визы, ВНЖ и ПМЖ или разрешения на работу, а карьерный и профессиональный рост и материальные бонусы. А это уже, ой, как немало в центре Европы.

А вот дальше идут блоки, где поступательно снижается та важность и необходимость знаний РКИ, которая там

мотивирует и стимулирует «студентов» обычно. Педагог вступает на поле, где изучение русского языка – это «личное дело каждого красноармейца».

- ✓ Сфера гостеприимства и туризма. Конечно, поток русскоговорящих охотников посмотреть на замки и природу Арденне, бесконечные пляжи и морских котиков в Остенде, чудеса Антверпена, Брюгге, Гента, на Атомиум и Писающего мальчика, запивая впечатления пивом и закусывая шоколадом, не фантастически велик, но он есть. Здесь рестораторы, отельеры, экскурсоводы, гиды и перевозчики не бегут, как в Турции или Египте, роняя шлепки, на курсы русского языка, чтобы привлечь туристов из РФ и бывшего СНГ. Но, все же...
- ✓ Центр дополнительного образования для взрослых. Сюда неспешно приезжают на велосипедах вышеперечисленные «гонцы от HoReCa», а также прочие взрослые и осознанные граждане, которым понадобилось перепрофилироваться или набраться новых знаний. К коим относятся, конечно, языки. Их набор в таком Центре обширен, и русский – далеко не последний в списке. Даже в сравнительно небольшом бельгийском городе умудряются набирать группы по 20-30 человек, готовых заплатить сравнительно небольшой взнос, чтобы изучать русский язык. От A0 до, даже, B2 уровня (хотя, редкая бельгийская птица долетает до середины «Россия – моя любовь» или «Окно в Россию»).

И, наконец, самый сложный блок, где к изучению русского языка сподвигают зов души и крови.

- ✓ Речь, конечно же, об мигрантах, релокантах, экспатах, которые, волею судеб, имеют радость быть частью смешанной семьи (русскоговорящий + бельгиец + совместный ребенок (дети)).

И здесь (надо отдать должное учителям-переселенцам) «детская тема» отлажена довольно неплохо. В средних (по меркам Бельгии это все, где больше 1000 жителей и двух куриц) и крупных (все, названия которых фигурируют в TripAdvisor) есть русские школы «выходного дня», дошкольные учреждения, кружки,

факультативы, даже интернаты постоянного пребывания, где фокус – на преподавании на русском. Причем, все эти заведения встроены в местную образовательную и социокультурную системы. Разумеется, есть и частные преподаватели, которые работают как очно, так и онлайн.

И тут не нужно особо преодолевать сопротивление и убеждать родителей в необходимости сохранения и культивирования у их детей русской речи. Школы и курсы заполняются довольно быстро, в некоторых даже есть «листы ожидания».

А вот со взрослыми (то есть, со «вторыми половинками» смешанных семей) дела обстоят куда как скромнее. Конечно, есть различного рода культурные объединения (общины, «Русский дом», клубы), которые организуют всяческие мероприятия, включающие, в том числе, изучение русского языка для самых любознательных и осознанных. Но много ли таких? На добровольных началах – нет. Но вот тех, в которых есть потенциал к пробуждению «осознанности и любознательности», при правильном подходе к процессу убеждения, наберется достаточно.

И вот с этого места начинаются вызовы и «задачи со звездочкой», которые ставит Бельгия перед преподавателями РКИ

Во-первых, это сама сфера образование и позиция педагога в ней.

Внимание: учитель (преподаватель, педагог, в особенности «предметный») в Бельгии – «теплое» и «хлебное» место. Чтобы его занять, нужно окончить бакалавриат или магистратуру (в зависимости от требуемой квалификации для будущей педагогической деятельности). А это значит, что такой человек сначала, с 12 до 18 лет отучился в ASO – типе школы, где упор делается на широкое теоретическое образование и подготовку к продолжению обучения в университете. (То есть, аналогично любой «десятилетке» в РФ).

Это что касается самого преподавателя. А ему, в свою очередь, попадется «студент», который либо сам в свое время прошел ASO и «обучался обучаться» в плюс-минус в той же

парадигме. Либо же он окончил школы с менее академическим и более прикладным «уклоном»: TSO (упор на подготовку к техническим профессиям), KSO (упор на искусство), BSO (подготовка к профессиональному трудоустройству). И у этого бельгийского студента с 6 до 12 лет было начальное образование, и только потом началось среднее (для сравнения, в РФ начальная школа – это 4 года). То есть, на заре пубертата ему (и родителям) предложили определиться, кем он станет в этом улье жизни: маткой, трутнем, ульевым или летним рабочим или охранником.

Изучение языков и особенности в преподавании РКИ

Знание минимум двух языков с детства – естественное состояние бельгийца. Дело в том, что на 11,76 млн человек (включая «понаехов») в стране аж 3 государственных языка. Третий, немецкий, слегка подзадвинут – все-таки, около 80 тысяч германофонов лишь. А вот нидерландский и французский – будьте любезны ощутить острую необходимость их одновременного владения в «дикой природе». Валлония говорит и «живет» на французском, Фландрия – на нидерландском. (А еще обладают разной ментальностью: валлонцы более расслабленные и нацеленные не только на «пахоту с утра до вечера», но и на получение удовольствия от жизни; фламандцы в этом смысле более зажатые, мыслящие в узких рамках «выгода/невыгода»).

Бельгийцы в обязательном порядке учат два языка в школе. А еще и английский идет дополнительным бонусом – в учебной программе, по телевидению, на некоторых рабочих местах. И, в тоге, для бельгийцев, видимо, в какой-то момент наступает момент перегруженности «внутренней памяти» данными – емкость душевных порывов и практической выгоды перестает пускать в голову еще какой-то язык.

В этом фламандцы и валлонцы тоже отличаются. С последними чуть легче работать, опираясь на опыт обучения франкофонов (у меня еще такого опыта не было).

А вот с нидерландским языком ожидайте на уроках много забавного и выделяйте побольше часов кое-каким нюансам:

Фонетика: «Ы/И», «Й», все шипящие, «Х/Г» и, конечно же

«Р». С этим придется повозиться. Особо незабываемая работа вас ждет со смягчением согласных и йотированием. Ну и, конечно же, со звуком «Р», который совсем не такой приятный, как мурлыкающий французский. В нидерландском он, скорее, напоминает звуки, которые издает человек, который подавился попкорном. Между прочим, в тех же глубинах ада формируется и звук «Х», но только здесь преподавателя РКИ ждет и дополнительный фронт работ – научить фламандца разделять в потоке речи звуки «Х» и «Г», поскольку они для них, почему-то, оказались едины. (И я искренне желаю усердия и терпения коллегам. Мой сын уже 2 года занимается с логопедом по вопросу «Р», но мы вдвоем (я и логопед) не можем победить то, что, видимо, прописано в ДНК бельгийца).

Грамматика: преподавателя РКИ ждет много радости, когда со своим нидерландоговорящим учеником они перейдут к изучению двузначных (и далее прочих N-значных) числительных. Потому что в местном их читают и произносят (внимание!) слева направо. А именно: не «двадцать пять», а «пять и двадцать», не «сто пятьдесят семь», а «сто, семь и пятьдесят». Это обратный порядок сильно портит жизнь туристов и мигрантов, которые первое время искренне не понимают, сколько ж им надо заплатить в магазине. И самому фламандцу тоже создает ряд препятствий при изучении числительный в любом другом, не только русском языке, где порядок «как положено».

Конечно, преподавателю многое предстоит объяснять про спряжение, склонение и род (женский, мужской, средний). Но тут он может смело «отомстить» фламандцу за их артикли *de, een, het* и чудо-слово *er*, которые используются интуитивно и ни один преподаватель нидерландского не объясняет принципа: «Это надо запомнить, чувствовать». В русских склонениях, спряжениях и родах, по крайней мере, есть алгоритм.

Структура предложений: Здесь вас ждет взаимное проникновение культур и борьбы с инверсиями, говорить которыми фламандец привык с детства. При изучении РКИ он будет постоянно использовать этот чудесный речевой прием, пока его не «сломают» учитель.

«Крапленые карты» для преподавателя РКИ в Бельгии

В заключении подскажу пару «психо-менталитетных» кнопочек, надавив на которые вы простимулируете скорость прогресса вашего бельгийского студента.

Одна из национальных черт – *beterweter*. По-нашему всезнайка, «знаток всего» – человек, который считает, что знает всё лучше других, и выражает это в (часто раздражающей) назидательной форме. Такие люди часто поправляют других, читают им лекции и менее открыты к чужим точкам зрения. Преподавателю РКИ надо пустить это «бетерветерство» в мирное русло: «Ты, конечно, умничка, всё на свете знаешь. Давай-ка сейчас как проспрягаем “мерить”». Снижайте градус пафоса с обеих сторон.

Бельгийцы считают русских преподавателей и систему образования (имею ввиду ту, что еще «гуляла» в школах и университетах во времена, когда вы, мои коллеги, обучались: с 80-х по начало 2000-х) строгими и жесткими. Это разительный контраст, конечно, с тем, что наблюдается в бельгийских школах – шалай-валяй. Потому, не ослабляйте вашу педагогически-дисциплинарную хватку, но и не забывайте про «прянички». Одна из любимых поговорок в Бельгии: «*Wie het zuur heeft, heeft het zoet te wachten*». Что для бельгийца означает – сначала нужно пережить трудные времена, тяжёлый труд или неудачи (неприятное), прежде чем сможете насладиться приятной наградой или лучшими временами (сладкое).

Мохамед Хэйтем Матук (Монастир, Тунис / Москва, Россия)

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МОЕЙ ЖИЗНИ В РОССИИ

Привет! Меня зовут Мохамед Хэйтем Матук, я из Туниса, города Монастир. В 2019 году я приехал в Москву учиться в высшей школе перевода МГУ. Это был мой первый опыт жизни за границей, и я ожидал приключений, но не представлял, сколько культурных «сюрпризов» меня ждёт. Тунисская культура – это смесь арабских традиций, средиземноморского тепла и исламских обычаев, где семья, гостеприимство и религия играют огромную роль. Россия, особенно Москва, оказалась совсем другой: холодная погода, прямолинейные люди и светский образ жизни. В первый год я пережил кучу неловких ситуаций, недоразумений и стереотипов. Расскажу о самых запоминающихся, как в дневнике.

1. Погода и «выживание» в снегу: От шока к стереотипам

В Тунисе зима – это +15°C, пальмы и море. Я прилетел в сентябре, и всё было нормально, но в ноябре ударил первый снег. Я вышел из общежития в лёгкой куртке и кедах, думая: «Ну, холодно, но переживу». Через 10 минут я замёрз, как никогда! Русские студенты в общаге смеялись: «Араб из пустыни не выдержит нашу зиму!» Они шутили, но это был стереотип – будто все арабы живут в пустыне с верблюдами (Тунис-то не Сахара, у нас пляжи!). Я обиделся сначала, но потом понял, что это их юмор. Неловкость: я поскользнулся на льду перед университетом, упал, и группа русских девушек помогла встать, но я не знал, как сказать «спасибо» правильно – запнулся на русском. Они подумали, что я стесняюсь, а я просто мёрз и был в шоке. Теперь я ношу ушанку и валенки, и друзья зовут меня «арабским медведем».

2. Еда и халяль: «Свинина? Нет, спасибо!»

В Тунисе еда – это халяль, кускус, тажин с бараниной, много специй и овощей. Алкоголь редкость, особенно среди мусульман.

В Москве меня пригласили на вечеринку в общежитии – русские студенты готовили шашлык и салаты. Я пришёл с фруктами (как принято у нас – приносить гостинцы), но увидел, что мясо – свинина! Я вежливо отказался, сказав: «Я мусульманин, не ем свинину». Они удивились: «О, извини, мы не знали!» Но один парень пошутил: «Арабы все вегетарианцы?» – стереотип, будто мы едим только финики и верблюжье молоко. Неловкость: я сидел голодный, пока не нашёл овощи, и все спрашивали о Рамадане (я постился весной, и они не понимали, почему я не ем днём). Ещё раз: в кафе заказал «шаурму», но русская версия – с майонезом и без специй, совсем не как наша. Я обиделся на «культурное воровство», но потом посмеялся. Теперь ищу халяль-магазины в Москве – их много!

3. Социальные нормы и приветствия: «Поцелуй в щёку или рукопожатие?»

В Тунисе мужчины обнимаются и целуют в щёки при встрече (однополое, конечно), а с женщинами – строго, без прикосновений, особенно если не родственники. Русские – наоборот: девушки целуют всех в щёки три раза, даже незнакомцев! В первый месяц в университете меня познакомили с одногруппницей, она наклонилась поцеловать в щёку – я отшатнулся, как от огня! Она обиделась: «Что, я тебе не нравлюсь?» А я подумал: «Это флирт?» – недоразумение из-за гендерных норм. Стереотип: русские девушки кажутся «свободными», а мы, арабы, «консервативными». Ещё неловкость: в Тунисе мы говорим громко, жестикулируем, а русские – тихо и прямо. Я спросил друга: «Почему ты такой серьёзный?» Он ответил: «Мы не арабы, не кричим». Оказывается, они думают, что арабы всегда эмоциональные и громкие. Теперь я адаптировался: обнимаюсь с парнями, но с девушками – только рукопожатие.

4. Религия и праздники: «Рамадан vs. Новый год»

В Тунисе ислам – основа жизни: пять молитв в день, мечети везде. В Москве я живу в светском обществе, где церкви есть, но не все религиозны. В Рамадан (весной) я постился, и в общежитии все ели, пили – я молился в комнате. Сосед пошутил: «Ты террорист?» – ужасный стереотип из СМИ! Я объяснил, что ислам – мирная религия, но было обидно. Неловкость: на Новый год (31 декабря)

все пьют шампанское, а я – сок. Они уговаривали: «Попробуй, это традиция!» Я отказался, и они подумали, что я «зануда». Ещё: в Тунисе Eid al-Fitr – семейный праздник с едой и подарками, а здесь я один, без семьи. Русские пригласили на Масленицу – блины с икрой. Я попробовал, но чувствовал себя «чужим». Стереотип: они думают, арабы все строгие мусульмане, а я – нет, я открытый, но традиции уважаю.

5. Коммуникация и стереотипы: «Ты богат от нефти?»

Русские прямолинейны: спрашивают всё в лоб. В Тунисе мы вежливы, обходим острые темы. В университете меня спросили: «Ты из Туниса? Там нефть? Ты шейх?» – стереотип, будто все арабы богаты от нефти (Тунис – туризм и оливки!) Я засмеялся, но внутри обиделся. Неловкость: я опоздал на лекцию из-за пробок (Москва – хаос!), профессор сказал: «Арабы всегда опаздывают?» – ещё один стереотип о «восточном времени». Ещё: в Тунисе семья – всё, мы звоним родным ежедневно. Здесь друзья удивлялись: «Ты маменькин сынок?» А я думал, русские – индивидуалисты, не ценят семью. Оказалось, нет – они просто не показывают эмоции.

В общем, первый год был полон шоков, но это помогло мне вырасти. Я преодолел стереотипы, подружился с русскими и даже научил их готовить тунисский кускус! Москва – крутой город, но культурные различия учат терпимости. Если бы не эти неловкости, я бы не стал тем, кем стал. Теперь я чувствую себя «тунисским москвичом»!

Н.В. Егорова (Россия, Москва)

**ЗАМЕТКИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ.
ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАВАНИЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ
ПЕРЕВОДА ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА**

Наверное, все мы, преподаватели, рано или поздно начинаем собирать свою коллекцию историй о том, как студенты реагируют на преподаваемый материал. Вне зависимости от нашей манеры подачи материала, сухо и академично или интерактивно и увлекательно, восприятие во многом зависит от культурного багажа и картины мира обучаемого. Что-то воспринимается легко и естественно, представляясь логичным и очевидным, а что-то способно поставить в тупик. Хотелось бы рассказать об одной дискуссии, развернувшейся на занятии по теории и практике французского перевода в связи с именами собственными.

Мы традиционно говорим студентам о том, что в отношении имен собственных лучше использовать термин “передача”, а не перевод”. И это логично, ведь в основной своей массе они передаются путем практической транскрипции с элементами транслитерации. Это студентам вполне понятно и не вызывает особых вопросов, но только пока речь идет об их собственных именах и фамилиях.

Все меняется, когда речь заходит о “говорящих”, культурно значимых именах, фамилиях и названиях. С одной стороны, студенты хотят сделать идеальный перевод и не готовы жертвовать даже малой толикой информации оригинала, а с другой стороны, вынуждены соблюдать правила. Однажды у нас возникла довольно продолжительная дискуссия со студенткой из Конго по поводу передачи/перевода названия Кот-д’Ивуар (Côte d’Ivoire, фр.).

Буквально название означает «Берег Слоновой Кости». Как, вероятно, известно нашим читателям, эта страна являлась французской колонией до 1960 года и была центром торговли слоно-

вой костью, что и стало причиной возникновения такого названия на французском. Для тех, у кого в детстве на стене висела старая карта мира (до 1986 года выпуска), привычно было видеть название этой страны именно в переводе на русский. Однако, в 1985 году правительством Кот-д'Ивуар было провозглашено, что перевод неуместен, так как речь идет о топониме. Ис 1986 года на картах, как и во всех документах, фигурирует транскрипция названия без перевода.

Эти исторические факты наша студентка не оспаривала. И, в целом, считала, что это более разумный подход, ведь, услышав единое фонетическое название, каждый сразу понимает, о какой стране идет речь. Проблема была в другом – как работать с художественным текстом, который рассказывает о событиях 1970-х годов. С одной стороны, в соответствии с современными правилами переводить название страны не надо, а с другой стороны, если этого не сделать при переводе конкретного текста, будет искажен исторический контекст, а в случае, о котором шла речь, будут утеряны и важные элементы сюжета. Переводимый рассказ был о мальчике, страстно увлеченном географией, который мечтал стать новым Колумбом и открыть новый континент. После разговора с мамой он понимает, что новых континентов не предвидится, но продолжает надеяться, что, возможно, ему повезет обнаружить какой-нибудь заброшенный древний город. Карту мира мальчик знает наизусть, не только все страны, но и все столицы. А самые загадочные названия ему даже снятся, в том числе и Берег Слоновой Кости. Представление об этой стране и причине такого названия у мальчика было своим и, надо признать, довольно забавным. Он считал, что это историческая родина всех слонов, именно оттуда эти умные животные и разбрелись по всему континенту, а самые любопытные даже доплыли до Индии. В общем, рассказ добрый и милый, и сохранить его очарование и смысл без поэтического для непосвященных Берега Слоновой Кости вряд ли возможно. Мы переводили его на занятии и застряли на вопросе названия. После долгой дискуссии все же договорились, что в тексте останется исторический вариант того времени, а современное название можно дать в сноске.

Казалось бы, такая дискуссия нецелесообразна, это лишь потеря времени. Однако, воспитывая переводчика, необходимо учитывать не только правила перевода, но и их восприятие обучающимися. Возможно, на обсуждение было потрачено больше времени, чем изначально планировалось потратить на работу над рассказом, зато удалось подумать над тем, как достичь наиболее достоверного варианта перевода. Мы также обсудили и другие говорящие топонимы, такие как, например, Буркина-Фасо, и то, почему их не принято переводить. Здесь было интересно поговорить о неочевидных отсылках к смыслу названия в разных художественных произведениях. Студенты, которые только что активно защищали вариант Кот-д'Ивуар, столь же эмоционально огорчились из-за того, что большинство населения Земли не знает языка мооре и, следовательно, неспособно сразу понять, что Буркина-Фасо означает "Земля честных людей". Увы, тут вряд ли можно что-то сделать, сноски не всегда можно выручают. В кинофильме уж точно с ними ничего не выйдет. Но тем смешнее и глубже студентам представился скрытый смысл заявлений бандита Саймона из кинофильма "Жмурки" в исполнении Дмитрия Дюжева, который на протяжении всего фильма мечтал уехать в Буркина-Фасо. Ведь таким образом автор дает понять, что тяга к добру и честности есть в каждом, даже если она и носит подсознательный характер. В случайность выбора страны студенты решили не верить. Это представляется вполне логичным, ведь режиссер и сценарист фильма Алексей Балабанов – выпускник переводческого факультета Горьковского педагогического института иностранных языков, а в переводческой среде подобные лингвистические шутки не редкость.

Благодаря этому подробному обсуждению, экскурсам в историю и анализу причинно-следственных связей, в дальнейшем нам было уже значительно проще обсуждать вопрос перевода говорящих имен и фамилий в художественной литературе.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агова Юлия Алексеевна (Бельгия, Турнот¹) agovajulia@gmail.com – журналист, переводчик, преподаватель РКИ, сотрудничает с литературным агентством Writer's Way и экспертным издательством Redliber. *Область научных интересов:* преподавание РКИ.

Бак Хади (Турция, Эрзурум) hadi.bak@atauni.edu.tr – кандидат филологических наук (PhD); профессор Университета Ататюрка, доцент института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета. *Область научных интересов:* русский язык, коммуникации, межкультурные связи.

Вешневская Зофия Владимировна (Россия, Москва) zofia-veshnevetskaya@mail.ru – преподаватель РКИ подготовительного факультета института международного образования Российского технического университета «МИРЭА». Стаж работы преподавателем РКИ в высшей школе с 01.09.2014 года. *Область научных интересов:* методика преподавания РКИ, русский как иностранный.

Волкова Елизавета Романовна (Россия, Москва) ellezaveta@gmail.com – бакалавр 5 курса института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета. *Область научных интересов:* языковая картина мира, концептуальное поле. Научный руководитель: **Мария Валентиновна Захаровна**, кандидат филологических наук, доцент; доцент департамента филологии института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета, zaharovamv@mgpu.ru.

Воронина Людмила Александровна (Россия, Москва) VoroninaLA@mgpu.ru – кандидат педагогических наук, доцент; доцент кафедры китайского языка Московского городского педагогического университета. *Область научных интересов:* лингви-

¹ Турнот (Тюрнхаут), провинция Антверпен.

стика, методика обучения иностранным языкам, в частности корейскому; теория и практика межкультурной коммуникации.

Вусик Анна Леонидовна (Россия, Мариуполь) hanna.vusyk@gmail.com – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры русского языка и литературы факультета филологии и социальных коммуникаций Мариупольского государственного университета им. А.И. Куинджи. *Область научных интересов:* межкультурная коммуникация, социолингвистика, этнолингвистика, психолингвистика.

Егорова Наталия Викторовна (Россия, Москва) egonatalia@mail.ru – старший преподаватель кафедры перевода французского языка переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета, директор Международного центра франкофонных исследований МГЛУ. *Область научных интересов:* перевод и переводоведение, преподавание французского языка как иностранного, РКИ.

Карасева Наталья Алексеевна (Россия, Москва) karaseva-01@mail.ru – магистрант 2 курса института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета. *Область научных интересов:* этимология, топонимика. Научный руководитель: **Екатерина Николаевна Абрашина**, кандидат педагогических наук, доцент департамента филологии института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.

Козлова Анна Александровна (Россия, Москва) kozlova-518@mgpu.ru – кандидат исторических наук; доцент департамента методики преподавания социальных и гуманитарных наук Московского городского педагогического университета. *Область научных интересов:* формирование функциональной грамотности; реализация системно-деятельностного подхода в социально-гуманитарном образовании; отечественная история XVIII-XIX вв.; краеведение.

Лебедев Алексей Алексеевич (Россия, Москва) alexeylebedev97@mail.ru – преподаватель кафедры русского языка Военного университета имени князя Александра Невского, старший преподаватель кафедры педагогического образования

Московского университета имени С.Ю. Витте. *Область научных интересов*: методика преподавания РКИ, национально-ориентированное обучение РКИ, лингвокультурология.

Локтевич Екатерина Вячеславовна (Беларусь, Минск) lichorad.kat@mail.ru – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры литературно-художественной критики факультета журналистики Белорусского государственного университета. *Область научных интересов*: теория лирики, рок-поэтика, рекламные и PR-маркеры в художественном произведении, геймификация и нейросубъектность в современной песенной поэзии, гендерные исследования в литературе.

Мохамед Хэйтем Матук (Россия, Москва) HaythemMaatouk@yandex.ru – магистрант 2 курса института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета. *Область научных интересов*: когнитивные исследования, метафора, русский язык.

**РУССКАЯ ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА:
будни и праздники**

Коллективная монография

HOMO DICENS

ИКД «Зерцало-М»
Московский городской педагогический университет

Подписано в печать 22.05.2026
Формат 60×90/16. Печ. л. 7,85
Тираж 300 экз.
Заказ № 1982